

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 6

Москва 2015–2016

Коллектив авторов Труды по россиеведению. Выпуск 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612017

Труды по россиеведению. Выпуск 6 / 2016:

ISBN 978-5-248-00835-3

Аннотация

Основное место в этом выпуске занимают вопросы социального развития России XX – начала XXI в. Особое внимание уделяется темам исторической памяти и национальной идентичности. Публикуются материалы, посвященные революциям 1905 и 1917 гг. Продолжается разработка теоретических аспектов россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

Содержание

«Труды...»-6: О текстах и контекстах (От редактора)	4
Россия в зеркале русской поэзии 3	27
Современная Россия	45
Зарисовки из русского ада	45
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Труды по руссиейведению.

Выпуск 6 / 2016

«Труды...»-6: О текстах и контекстах (От редактора)

Это второй «объединенный» выпуск «Трудов по руссиейведению» (2015–2016). В предыдущих «Трудах...» отмечалось: случайно соединив под одной обложкой 2013 и 2014 гг., мы, что называется, попали в историю (в том смысле, что для страны тогда началось новое время). Принимая решение повторить эту «форму», мы не могли предположить, что 2015–2016 гг. тоже станут рубежом – для малой, правда, части нашего общества: тех, кто работал и еще продолжает работать в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Пожар в здании на Нахимовском проспекте 51/21 30 января 2015 г. изменил ИНИОН, поставил под вопрос само его существование. Те, кто прошел войну, вспоминают о ней как о том рубеже, что разделил надвое их жизни: до и после. Понимая недопустимость сравнений с той (всеобщей и

беспрецедентной) бедой, тем не менее скажу: и мы пережили это состояние. Когда привычный мир («до») со всеми его правилами, проблемами и возможностями рушится в одно мгновение, и, чтобы выжить, нужно бороться. А ситуация такова, что борьба не может завершиться победой. И «новый мир» («после») – это только подсчет потерь, каждодневное ощущение поражения, медленное выплзание из своей трагедии.

«Труды...»-6 – из новой, послепожарной жизни ИНИОН. В какой-то степени – ответ на нее.

О текстах

Основные тематические блоки «Трудов по россиеведению» определились, по существу, с первого выпуска: современность, история и историческая память. В структуре издания отражена его идея: оно нацелено на изучение России нынешней в постоянном сопоставлении с прошлым (поиске отличий и взаимозависимостей) и прогнозирование на этой основе перспектив. История является «площадкой» для «рассматривания» сегодняшнего дня, а современность позволяет по-новому взглянуть на прошлое – не как на минувшее, но как на актуальный опыт. Возможно, в этом выпуске такой подход проявился наиболее отчетливо, даже прямолинейно.

Притом что «Труды...» представляют собой текстуальную целостность (каждый текст «работает» в контексте всего из-

дания), собранные в нем материалы разнообразны – во временном, тематическом и «идейном» (имеются в виду предпочтения/мировоззренческие склонности авторов) отношениях. Разнятся они и по форме: от «классических» научных текстов до эссеистических, от публицистических до поэтических. Но есть в них объединяющие линии, интонации, созвучия.

Материалы раздела «История и историческая память» так или иначе касаются следующих вопросов: следствием какой истории является современная Россия; как происходит поиск/создание традиций, в какой системе образов/представлений о себе и других («паутине смыслов») мы существовали и существуем теперь. История предстает здесь не мертво-музеефицированной, а актуальной субстанцией.

К примеру, частный сюжет, который анализирует И.Н. Данилевский, вплетен в одну из главных тем современного публичного дискурса: Россия и Орда (последняя понимается и как историческое явление, и одна из русских «сущностей»). Московское государство «выросло» из двух источников – из сопротивления Орде и как «следствие» Орды. О встроенности русских земель в ордынский порядок и идет речь в статье. «Живость» и современность истории демонстрируют и другие тексты этого раздела. А.Б. Каменский показывает, как в государственной риторике и идеологии Московской Руси – имперской России появилась тема «собираания русских земель», как она использовалась в XVIII в., прежде

всего в царствование Екатерины II (заметим: в историческом сознании нашего общества эта монархиня заняла то место, которое сама себе приписывала – равновеликое Петру I).

Статья И.И. Глебовой посвящена «забытой» революции 1905–1907 гг., предпринимается попытка определить ее характер и место в русской истории. В исследовании В.П. Булдакова Революция 1917 г. предстает отражением массовых убеждений, заблуждений и предубеждений, переломанного временем сознания, взвинченного до крайности подсознательного. Иначе говоря, истоки того социального переворота автор ищет в культурно-ментальной сфере. А.Г. Донгаров прорабатывает сюжет, являющийся «спусковым крючком» для современных «войн памяти» – советско-германский договор о ненападении. В рассказанной им (ярко и пристрастно) истории пакта-1939 видно, как легко дипломатия, этот инструмент мира, превращается в орудие войны. Наконец, в статье О.В. Большаковой анализируется, как на протяжении столетий конструировался образ «Запада», чем он был для России и как она понималась Западом.

Во времена «воинствования» и нового противостояния эти исторические штудии должны бы служить предостережением – от взвинченности сознания, приступов изоляционизма, применения «стратегий войны». Все это не соответствует интересам человека, подавляет живые общественные силы.

Материалы раздела «Современная Россия» приобрета-

ют внутреннюю связность и логику, если взглянуть на них сквозь призму проблемы «посттоталитаризма». Речь идет о том, как общества и государства выходят из тоталитарного состояния, что препятствует такому выходу, каковы механизмы «возвращения»/«ретоталитаризации». Симптоматично, что в данном выпуске все авторы, по существу, рассматривают современную Россию как пример «ретоталитаризации». Еще несколько лет назад такие оценки не были столь единодушны; допускалась вероятность иного варианта развития.

В статьях Ю.С. Пивоварова, М.А. Краснова, С.Ю. Барсуковой, И.Г. Шаблинского, Е.А. Лукьяновой, в «блоке» рецензий, публицистической мозаике дан образ общества, поощряющего себя к разложению. «Эпоха перемен» прошла по нему так, что было «демонтировано» (выброшено на свалку истории) как раз то новое, что вызрело в советской системе вследствие ее эволюции. В наибольшей степени пострадали те социальные слои, которые являлись «проводниками» в современность (демократическая интеллигенция со всеми сложными формами ее жизни – творческими союзами, клубами и т.д.; рабочий класс, связанный с «новым производством», и проч.). «Старое» же советское содержание: коррупция, теневая экономика, произвол как способ властвовать, насилие как основной тип взаимодействия, тоталитарное мировоззрение – выжило, легализовалось, захватило общество. Результат – не только технологическое падение,

сворачивание гуманистического начала в культуре, но и социальная деградация (как сказал автор одного из материалов «Трудов...», постсоветский человек разочаровал больше, чем советский).

То, от чего позднее (т.е. зрелое) советское общество избавлялось, что стремилось минимизировать, не выставляя напоказ, стало у нас нормой, образом жизни, «основами». При общей заикленности на личном благополучии и безопасности любым путем, все (от зарплат до предпочтений) крайне неустойчиво, зыбко, смутно. В 1990-е, которые едва ли не единодушно признаны теперь «темными» временами (нашим «новым Средневековьем»), было гораздо больше оптимизма, смелости, воздуха. Видимо, «ретоталитаризация», нейтрализуя потенциалы роста/новизны, подавляя формы современной жизни, способы современного самоопределения, ведет к быстрому социальному дряхлению.

Фиксируя это состояние, наши авторы ищут способы выхода из него – в культуре, политике, экономике. Не случайно значительное место и в этих «Трудах...» отведено конституционно-правовой проблематике. Конституция и есть формула новой России, основа ее «посттоталитарной» идентичности. Обращение к ней, поиск там легитимности власти и общественного самоопределения способны оживить потенциалы развития. Но это пока не «по росту» стране. Симптоматичны совершенное невнимание подавляющей части народонаселения к теме права (и прав), восприятие Основного

закона как чего-то формального, необязательного.

Таково же отношение к политике, всей публичной сфере. Там разворачивается свой «театр» (будучи публичным, он не для публики – для «своих»). Наш человек (доминирующие – «модальные» – социальные типы) – вне этой «игры». Он не отчужден, не лоялен, не впал в апатию и не «наблюдает». Он попросту «за пределами»: не хочет знать, что есть политика, права, Конституция и т.п., – занят только собой, замкнулся в своем «мире». В современной России торжествуют «частности» и «вертикали». Они в принципе связаны («вертикали» хоть как-то организуют «частности»), но только потому, что временами не могут избежать взаимодействия.

О пожаре и его последствиях

Есть элементы социума, где общее неблагополучие проявляется особенно ярко. По своему опыту знаем: быстрее всего разлагают трагедии.

Наш пожар, работа по спасению того, что можно было спасти, и какое-никакое послепожарное обустройство – уже история. Эта трагическая и даже отчасти героическая эпопея завершилась в конце апреля 2015 г. Сейчас мы живем «в последствиях» случившегося. ИНИОН сегодня – послепожарный (во всех смыслах): живет как бы на пожарище.

В Институте не любят вспоминать пожар. Все помнят, конечно. Но не вспоминают. – Плохая примета: будущего не

будет. Как будто договорились: ничего не было. Остались смутное ощущение (впечатление от) трагедии, горечь от нее – что-то вроде дыма и гари, если выразиться символически.

После того, что произошло с нами, я стала внимательнее к пожарам. И вот что заметила: в стране часто горит. В разных размерах – в том числе и в особо крупных (имеются в виду и «статус» объекта, и последствия происшествия). Одни пожары забываются быстро (в Новодевичьем монастыре в марте 2015 г. или в здании Министерства обороны весной 2016 г.), другие (как наш) держат, пока это нужно, в фокусе общественного внимания. Но и «публичные» пожары быстро развеиваются – не остается и следа (того самого дыма).

Наше общество малочувствительно к такого рода явлениям: не обсуждает, не осмысливает, не извлекает уроков – изгоняет из сознания. Оно не склонно тратить на сочувствие к потерпевшим (не в материальном, а прежде всего в душевном отношении). Беда – удел пострадавших; остальным (даже близким – в нашем, к примеру, случае: РАН) она чужда, неинтересна. Зато общество весьма активно в осуждении: не предотвратили! – кто виноват! Кажется, что это и есть мера его гражданственности. Наше «гражданское общество» – по преимуществу карающее: оно судит и приговаривает. Его мнение – сродни российской карающей юстиции, почти не выносящей оправдательных приговоров.

В самые тяжелые времена ИНИОН почти не получал поддержки – ни государственной, ни общественной. Государ-

ство реагировало привычным (для всех сограждан¹) образом: на «вас» денег нет; на проекты государственного значения (строительство на месте старого здания, центры восстановления книг и оцифровки библиотечных фондов) с 2016 г. – строка в бюджете. Из общества были слышны, конечно, человеческие голоса: раз уж так случилось, ничего не поделаешь; держитесь – выбирайтесь. Но и они почти всегда – без жалости (кстати, безжалостность – еще одна важная общественная черта) и под мысленный «аккомпанемент»: сами-сами-сами. Тем удивительнее и ценнее помощь небольших «отрядов» добровольцев.

Больше всего уязвляли и оскорбляли даже не общественные равнодушие и не-солидарность, а какое-то брезгливое избегание нас как пострадавших (и вообще: страданий, неудач, несчастья). Это важнейшие характеристики нашей социальности; у них есть «история». В традиционном обществе действовал механизм, получивший в русском языке наименование: «помочи». Но это – для «ближних»: соседей, «своих»/деревенских. Уже на другую деревню (как частный случай большого мира – «чужих») практика «товарищества по несчастью» не распространялась. В советском обществе даже в поздние, относительно гуманные времена действовало правило: спаси себя сам. Сейчас эту жизненную страте-

¹ Собственно, ожидание – в случае чего – именно такой реакции и делает нас со-гражданами: объединяет понимание отчужденности государства, живущего какой-то своей жизнью.

гию «поддерживает» другая, явившаяся едва ли не из языческо-магических времен: не касайся чужого несчастья – а то притянет, беги «потерпевшего» – иначе сам пострадаешь, удачу потеряешь. Это не реакция современного (солидаристского) общества. Видимо, в ответ на социальные кризисы и потрясения культура «сходит» слоями – обнажаются «основы»: примитивные, но эффективные для выживания.

Притом что мы упорно повторяли себе и окружающим: несмотря на случившееся, ИНИОН *есть* и *будет* (своего рода самозаговаривание – психотерапия), общество мгновенно и почти бессознательно пришло к другому выводу – ИНИОН *был*. Нас вычеркнули, списали (кстати, и «мировая общественность» быстро «забыла помнить»). Не оттого ли все послепожарное время мы слышим о себе или не очень хорошее, или совсем нехорошее. Здесь, кстати, показательно, как обошлись с ИНИОН СМИ: сначала – вой (погубили национальное достояние!), очернительные помои («вина» была персонифицирована; оказалось, даже у пожара есть фамилия, имя и отчество), потом чуть-чуть внимания – у них волонтеры, им меняют начальство (а оно у нас, как теперь почти везде, временное – «врио»; тип управления – из смутных, а не из стабильных времен), они еще чего-то хотят... Весь публичный контекст иниционовской истории – не восстановительный, а ликвидационный.

Что касается общественного отношения, то ИНИОН здесь, к сожалению, – не исключение. У нас каждый погибает

ет в одиночку: журналисты, которых увольняют, учителя и врачи, которых сокращают, НКО, которых объявляют «иностранными агентами», РАН, которую «реформируют», и т.д. Мы – как целое: общество, нация – не замечаем ухода/маргинализации людей (даже целых социальных групп), институтов, традиций. Не ощущаем это как потерю, не проявляем солидарности. Кстати, ИНИОН (инионовцы) тоже не рвался никому на помощь, а потому не может иметь претензий. Но все это вместе – бесконечная цепь ликвидаций и самоликвидаций...

Не стал Институт исключением и в другом. Трагедия не явилась источником «стояния» – отстаивания себя, своих интересов. Сил хватило только на послепожарную «мобилизацию» – ликвидацию непосредственных («первых») последствий пожара: вывоз книг, налаживание работы в новых условиях. И хотя с этим ИНИОН справился, приходится констатировать: сначала мы ликвидировали последствия, потом последствия ликвидировали нас. Следствие трагедии – не восстановление, а какое-то всеобщее неблагополучие, раздражение, разочарование, замыкание в «своем» интересе. Одним словом, разложение.

Послепожарный ИНИОН – подтверждение того, что Россия – властечетричный мир. В ходу покорное равнодушие, публичное единодушие, всеобщие игры по навязанным сверху правилам, тихое пошептывание «против». Власть меняется – неизменным остается ощущение: мы ей – подданные.

Страну держит не вертикаль власти, но вертикаль подчинения. Власть ищут (прямо по Пушкину: «О, боже мой, кто будет нами править? / О, горе нам!» – «Давай поплачем! – Я силюсь, да не могу»), за нее держатся, ей служат. Шансов «попасть в авторитет» больше всего у такой власти, которая нацелена на подданничество, делает из нас подданных.

Чем выше спрос на подчинение, тем шире предложение. Иначе говоря, мы сами творим себе «хозяина» – потворствуем превращению власти в бесконтрольную и неограниченную, создаем условия для такого типа властвования. Сейчас социум (весь, сверху донизу) вновь созрел для подданничества и затребовал близкую (в этом смысле) власть. Архаичность и «непрактичность» (неэффективность) такой «скрепы» поражают, ее укорененность (вот она, наша пресловутая «колея») оскорбляет.

После пожара Институт был поставлен перед необходимостью доказывать свое право на существование (логика начальства, в общем, понятна: обратили на себя внимание таким образом – скажите: вы – кто? зачем?). Его новое руководство сразу отреклось от предпожарного ИНИОНа как от «плохого» прошлого и сделало ставку на «будущее». Главное послепожарное слово – модернизация. Поначалу, наблюдая брожение этой идеи (в том смысле, что она скорее «бродила» как «призрак», чем «триумфально» шествовала), я вспоминала фразу героя одного популярного фильма 90-х: «И как один умрем в борьбе за *это*...» – Что *это*? Скажет мне кто-

нибудь, за что – за *это*?». Вскоре выяснилось: имеется в виду полная ликвидация. Это тоже объяснимо. В русской традиции утверждение (легитимация) новой власти происходит за счет радикального разрыва преемственности: все бывшее объявляется темным, позорным, вредным и «обнуляется».

Преобразовательная инициатива «сверху» нашла массовую поддержку: «новизна» перспективна; остаться «в бывших» – значит получить «поражение в правах»; а жить-то хочется. На первом этапе (конец апреля 2015 – начало мая 2016 г.) «модернизация» было словом-надеждой, своего рода символом веры: будет *это* – будет и ИНИОН. Институт остался без здания, сотрудники лишились всех технических средств, необходимых для работы, оказались отрезаны от доступа к информационной среде. Но главным словом-делом ИНИОН–2015 стала программа модернизации, содержание которой тогда восхищало (что напоминало реакцию какого-то киногероя на митинговое выступление: как говорит! говорит-то как!), а теперь никто не помнит. Модернизацией были заняты все – сверху донизу.

В течение года то в одном, то в другом помещении, где временно разместился Институт, собирались рабочие группы и обсуждали планы *этого*. Стулья, кстати, приносили с собой – их не хватало. Все живо, заинтересованно, с энтузиазмом – вот она, настоящая жизнь. За последние лет пятнадцать в ИНИОН никогда так много не говорили. Работала даже специально созданная Комиссия по модернизации:

члены встречались, устраивали дебаты, наверное, отчитывались. Все это напоминает деятельность инициативной «хозчасти»: ничего нет (от канцелярских принадлежностей до мебели), но который уже месяц идет инвентаризация.

Пока сотрудники занимались выживанием и «митингом», Институт не стал заказчиком проекта здания, которое (как «город-сад») должно вырасти на месте прежнего, пострадавшего от пожара. А само здание в проекте стало напоминать бизнес-центр – очень современный, многофункциональный, с научной «составляющей». В общем, наш «особый» пост-модерн: ИНИОН, вроде, и есть – и его как бы и нет. Здание «в проекте» – это единственное реальное дело первой (митинговой) фазы нашей модернизации. Все остальное – пшик, улетучившиеся слова, дымовая завеса, махинация.

Теперь мы – во второй, решающей фазе (это как с советским социализмом: победив «в основном», он должен был, по замыслу вождей, закончиться окончательной победой). Модернизация «как слово» себя дискредитировала – даешь модернизацию «как дело» (для дела). Если раньше наш «старый мир» медленно разваливался сам, а те, кто его проклинал (все проблемы и беды – оттуда; все нынешние ошибки – следствие прежних; дело сегодня не делается потому, что вчера мы были там; все силы уходят на преодоление – «инерции», «родимых пятен» и т.п.), жили с наследства, то теперь наступило время решительности и беспощадности. ИНИОН сгорел – да здравствует!.. Но тут и всплывает этот

проклятый вопросишко: да здравствует *что*?

Показательно: именно в «деловой» фазе модернизации явился самый неделовой модернизационный проект. Не проект даже, а научная утопия – ИНИОН в современной инфосфере (новая институция – в новом мире). Все красиво, по-настоящему научно – если бы не два «но». «Миражируем» (от слова «мираж») о новом мире, а стульев все не хватает (как и прочих мелочей, вроде принтеров, бумаги, картриджей и т.п.). Второе «но» – посерьезнее.

Проект, претендующий на «последнее слово», вписывает Институт в «инфосферу» так, чтобы он действовал по простейшему (биологическому) принципу: стимул среды – реакция («услуга»). Речь идет об информационном институте-регистраторе, цель которого – учет и контроль научной информации социально-гуманитарного профиля. Но это – старье, прошлый век. ИНИОН и явился преодолением этого элементарного понимания информации и работы с ней, как выход на качественно новый уровень информационной деятельности, где все решается аналитикой и прогнозированием.

Современный информационный мир – это мир анализа и прогноза; там информация – элемент единой социокультурной среды. Заниматься ею – это культурный проект. ИНИОН был, конечно, и «накопителем» информации, но главное – элементом «наукосферы», общественной жизни. «Модернизировать» такую институцию в справочно-информационную

службу означает аннигилировать яркую часть советского наследия (а оно сейчас, вроде бы, в особой чести) и приметное постсоветское явление.

В чем страшная сила социальной революции? Она действует по принципу «слово и дело» (в прямом смысле – смотри русскую практику XVIII в.), т.е. насильственно ликвидирует учреждения, традиции, людей; при этом рядится в модернизаторские тоги, украшается великой идеей. Когда речь идет об обычной жизни, конкретных ситуациях, весь пафос уходит – остается голый факт. В нашем случае он таков: модернизация, – вроде бы, только слово, оно не всерьез (как говорил еще один киногерой, «это так – помойку разгрести»), и в то же время это форма и инструмент ликвидации. Того нового, что появилось в недрах «старого» (советского) порядка и не умерло, встроилось в порядок новый. ИНИОН-XXI интенсивно жил и был нацелен на развитие. Его «сбили влет».

«Жить стало лучше...»

Теперешнее состояние страны оценивается ею (публичными деятелями и простым обывателем) в основном «равновесно»: за пределами – большие успехи, внутри – «застой». Такая маркировка нынешней системы служит в основном успокоению: это уже было; мы справимся. Аналогия с советским застоём современной России подходит мало (кро-

ме разлагавшегося «старого советского» в 1960–1970-е годы действовали потенциалы развития, придававшие системе динамику, сформировался субъект перемен, который и устроил перестройку; ничего этого сейчас нет). Нашей России вообще трудно найти «историю», притом что она, вроде бы, погружена в прошлое. Ее «традиционализм» проявляется сейчас только в одном. Страна столкнулась с угрозой столетней давности: «1914» и «1917» – внешней войны и гражданского противостояния.

Из нерешенных проблем 1990–2000-х в России выросла тема врага. «Болотная» насытила содержанием образ «внутреннего врага»; Крым «оформил», конкретизировал «врага внешнего». «Враги» – это способ не говорить о себе. Теперь они, а не власть и не народ отвечают за проблемы и неудачи российского «транзита». «Верхи» и «низы» нашего общества снова едины – сплочены одной опасностью. Единым фронтом – против «врагов»: внешнего мира (того, который задает параметры современности, формирует ее «повестку дня») и его «агентов» внутри страны – «пятой колонны».

В этом смысле не случайно возрождение в России рубежа 2000–2010-х годов темы «сталин», какая-то особая общественная взвинченность вокруг нее. Поначалу ползучая, поверхностная «сталинизация» была ответом на экономические проблемы, бесправие, элементарную бедность. Из социальной неудовлетворенности рождаются только ненависть, психология погрома. Они и «канализировались» по этой ли-

нии. Теперь «сталин» – псевдоним того мировоззрения, которое центрируется на образе врага, полагает войну/уничтожение/насилие единственным способом решения всех проблем. Оно захватило «верхи» и «низы», став государственным и всеобщим. За этим – страх перед миром, смутное ощущение своей неполноценности (неспособности в этом мире реализоваться), потребность в реванше. То, что, видимо, вело по жизни и самого И. Джугашвили.

Почувствовав, что не вписывается в цивилизованный мир (на правах одного из его лидеров), страна и выбрала «сталина» – изоляцию, «вертикаль», «царя всех трудящихся», «врагов», т.е. войну и гражданское противостояние. При Сталине внутреннюю и внешнюю агрессию маскировали идеей «великой стройки» («мы рождены, чтоб сказку сделать былью»; «я другой такой страны не знаю») и подвигом Победы в Отечественной войне. Сейчас вместо утопии нового мира используются «традиция», «наследие». Оптимизм и самоуверенность мы черпаем в прошлом – причем не в каком-то, а все больше и больше в сталинском.

Если с этой позиции посмотреть на происходящее, то у нас действительно все как надо. Страна – «осажденная крепость», борется с превосходящими вражескими силами в «новой Отечественной» (именно по этому сценарию разыгрываются для населения все телевойны последних лет). Не сдастся – будет стоять до последнего и победит (Отечественная же). И хотя эти образы «живут» на периферии

обычной жизни, составляя ее контекст, о серьезности которого мало кто задумывается, они формируют новую реальность.

А в ней много чего не нужно – прежде всего всей интеллектуально-размыслительной части жизни в ее институциональном и антропологическом измерениях. Это «размягчает», мешает говорить на языке ненависти. Мысль/мнение действуют против главной общественной склонности России 2010-х. Потому что предполагают сомнения, вопросы, дискуссии, за которыми неизбежно последуют права, право, человек, общечеловеческие ценности. То есть новая оттепель, перестройка...

Новое время, новый век, а мы вертимся вокруг старых проблем, ходим не однажды хоженными путями. Попадаем туда, куда лучше бы не заходить. Но зачем тогда было XX столетие? Мы забыли, что страна уже отказалась от «сталина» как от социальной перспективы – едва не закончившись и все-таки победив в Отечественной войне, устроив «оттепель», вернув частность человеческой жизни в основания общества. Все было оплачено страшным опытом, огромными жертвами, большими трудами. Теперь мы отказываемся от этих достижений – причем как-то походя, не всерьез, не отдавая отчета.

Странный выбор сделала Россия в последние несколько лет. Он глуп и позорен: в нем нет ответственности – ни за прошлое, ни за будущее. Он не продиктован ни мыслью, ни

чувством. Наконец, он не естествен; открытость, плюральность интересов, конкурентность (а наш выбор – против всего этого) необходимы для жизни человека и общества. В естественности – их сила, потому и неизбежны разного рода оттепели и перестройки. Так вот, качество последнего по времени «выбора России» таково, что совершенно непонятно, как из него выбирать.

PS: О реализме

Этот текст, который предполагался как дежурный, проходной (обычное предисловие к очередным «Трудам...»), стал прощанием с ИНИОНОм. Конечно, люди умные, дальновидные, с опытом попрощались бы тогда, 30 января 2015 г. Сказали себе: наша песенка спета. Но я говорю сейчас: мой ИНИОН – сгорел. Теперь рассеивается дым – уходят люди, заканчивается то дело (не в нынешнем, деловом, смысле, а в исходном – рабочем: делать дело), что и было ИНИОНОм.

Это и прощание с одним из «малых» инионовских дел – трудами по россиеведению (пишу без кавычек, имея в виду и другие начинания нашего Центра). Поэтому хочу сказать о том, как мы мыслили свои «труды» – не о результате, а об идее.

Недавно умерший Борис Дубин, анализируя причины поражения в 1990–2000-е годы советской демократической интеллигенции, писал: «Ситуация эпохи гласности... вывела на

поверхность готовые тексты. Готовые смыслы 1920–1930-х годов. В лучшем случае – 1960-х... Но ведь не было новых точек зрения на интеллигенцию, на народ, на прошлое, на будущее, на Восток, на Запад. Все эти понятия радикально изменили свое содержание с 1920-х годов... XX век завершился... Для русской культуры и русского сознания он, конечно, не освоен. Не освоена Вторая мировая война... Память по-прежнему – монументально-героическая. И то же самое с лагерями. И то же с национальной политикой. И то же – с национальным характером. И так далее. Тут работы – на много-много поколений вперед. Я думаю, что она только начинается. Выйдет из этого что-нибудь или нет – не знаю...»²

Частью этой работы: фиксировать новый опыт, осмыслять его, дать образ новой реальности (состояние страны, ее место в мире, потенциалы и проблемы, доминирующие человеческие типы и проч.) – пытался стать наш Центр. Мы хотели, чтобы россиеведение было срезом не только интеллектуальной, но и общественной жизни. Речь – не о политической актуальности текстов, а о чуткости к общественным проблемам, отклике на них (в доступных научным работникам форм). Думаю, отчасти это удалось. Потому что наши авторы, о чем бы они ни писали и ни говорили, вовлечены в сегодняшний день, остро реагируют на происходящее в стране

² Потеря невосполнима: Памяти Б.В. Дубина // Новая газета. – М., 2014. – 22 авг. – С. 19.

и мире.

Вообще-то, памятуя о том, что любую общественную дисциплину легко объявить «служанкой политики», да и поставить на «обслуживание», обществоведы (по-разному, но упорно) стараются дистанцироваться от социальной жизни. Историки подчеркивают, что их дело – факты: они говорят с обществом на этом – сухом и точном – языке, а оно вольно слушать и выбирать – версии, позиции и т.п. Политологи повторяют, что занимаются чистой наукой, а не политикой. Философы заявляют, что член «цеха», который начинает высказываться публично, пытается «влиять на умы», перестает быть философом. И т.д.

Это, однако, не спасает от действительности; она все равно догонит и предъявит счета. Историк – за историю, в которой он не помог обществу разобраться, экономисту – за экономику, работающую против человека, и проч. Потому что *это* – их предмет. И ответственность за его состояние, хотя бы они того или нет, лежит на них. А ее мера столь же высока, сколь у физиков, химиков, биологов и др., в руках которых теперь – жизнь и смерть человека и человечества. «Лирики» играют в те же игры: в конечном счете либо удерживают человека от того, чтобы впасть во зло, либо провоцируют его на это.

В своих «трудах» мы были откровенно пристрастны («партийны»). В том смысле, что, собирая новые идеи, мнения, знания, имели в виду определенный образ России: де-

мократической, либеральной, правовой, плюральной, социальной и т.п. Потому что эта ориентация – единственно возможный двигатель развития страны, а значит, и единственно приемлемый контекст для исследований.

Сейчас *это* кажется не перспективой, а образом неосуществленного прошлого. Но памятуя об опыте, который считаем и своим («революционной» Франции 1968 г.), мы скажем на прощание: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!»

И.И. Глебова

Россия в зеркале русской поэзии ³

Как всегда, мы начинаем очередной выпуск «Трудов по руссиеведению» с русской поэзии. Почему? – Она является чем-то сравнимым с иконописью первых веков русской истории. Тогда икона была *всем* для наших предков. Верой, надеждой, любомудрием, «умозрением в красках» (как сказал князь Е.Н. Трубецкой), разговором с самим собой и т.п.

И в каждый выпуск мы подбираем стихотворения, которые, по нашему мнению, в наибольшей степени выражают дух времени. На этот раз, – по слову французских экзистенциалистов, пограничная ситуация. Гибельная ситуация, причем до полной гибели... Это последнее слово, другого не будет, не дадут. Поэтому – «на разрыв аорты».

Если бы русское общество хоть отчасти соответствовало русской поэзии, наша жизнь изменилась бы.

³ Печатается по изд.: Бродский И. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011; Иванов Г. Стихотворения. – М.: ДНК: Прогресс-Плеяда, 2010; Коржавин Н. На скосе века. – М.: Время, 2008; Набоков В. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991; Мандельштам О. Сочинения: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1: Стихотворения, переводы / Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. – М.: Художественная литература, 1990; Слущкий Б. «Я историю излагаю...»: Книга стихотворений. – М.: Правда, 1990.

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,

Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Г. Иванов

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,

и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

В. Набоков

Если бы жить... Только бы жить...
Хоть на литейном заводе служить.

Хоть углекопом с тяжелой киркой,
Хоть бурлаком над Великой рекой.

«Ухнем, дубинушка...»

Все это сны.

Руки твои ни на что не нужны.

Этим плечам ничего не поднять.
Нечего, значит, на Бога пенять.
Трубочка есть. Водочка есть,
Всем в кабаке одинакова честь!

Г. Иванов

От сырой простыни говорящая –
Знать, нашелся на рыб звукопас –
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас.

Начихав на кривые убыточки,
С папироской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточки

На равнины зияющий пах.

Было слышно жужжание низкое
Самолетов, сгоревших дотла,
Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла.

Измеряй меня, край, перекраивай –
Чуден жар прикрепленной земли! –
Захлебнулась винтовка Чапаева –
Помоги, развяжи, раздели!

О. Мандельштам

Квартира тиха, как бумага –
Пустая, без всяких затей –
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,

И некуда больше бежать –
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю,
И грозные баюшки-баю
Колхозному баю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель –
Такую ухлопает моль...

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать –
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья.

О. Мандельштам

На смерть Жукова

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражых тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта
громко свисти на манер снегирия.

И. Бродский

Представление

Михаилу Николаеву

Председатель Совнаркома, Наркомпроса, Мининдела!
Эта местность мне знакома, как окраина Китая!
Эта личность мне знакома! Знак допроса вместо
тела.

Многоточие шинели. Вместо мозга – запятая.
Вместо горла – темный вечер. Вместо буркал – знак
деленья.

Вот и вышел человечек, представитель населения.
Вот и вышел гражданин,
достающий из штанин.

«А почему та радиоло?»
«Кто такой Савонарола?»
«Вероятно, сокращенье».
«Где сортир, прошу прощенья?»

Входит Пушкин в летном шлеме, в тонких
пальцах – папироса.
В чистом поле мчится скорый с одиноким пассажиром.
И нарезанные косо, как полтавская, колеса
с выковыренным под Гдовом пальцем стрелочника
жиром
оживляют скатерть снега, полустанки и развилки
обдавая содержимым опрокинутой бутылки.
Прячась в логово свое
волки воют «Е-мое».

«Жизнь – она как лотерея».
«Вышла замуж за еврея».

«Довели страну до ручки».

«Дай червонец до получки».

Входит Гоголь в бескозырке, рядом с ним –
меццо-сопрано.

В продуктовом – кот заплакал; бродят крысы, бакалея.
Пряча твердый рог в каракуль, некто в брюках
из барана
превращается в тирана на трибуне мавзолея.
Говорят лихие люди, что внутри, разочарован
под конец, как фиш на блюде, труп лежит
нафарширован.

Хорошо, утратив речь,
Встать с винтовкой гроб стеречь.

«Не смотри в глаза мне, дева:
все равно пойдешь налево».
«У попа была собака».
«Оба умерли от рака».

Входит Лев Толстой в пижаме, всюду – Ясная Поляна.
(Бродят парубки с ножами, пахнет шипром с
комсомолом.)

Он – предшественник Тарзана: самописка – как лиана,
взад-вперед летают ядра над французским частоколом.
Се – великий сын России, хоть и правящего класса!
Муж, чьи правнуки босые тоже редко видят мясо.

Чудо-юдо: нежный граф
Превратился в книжный шкаф!

«Приучил ее к минету».
«Что за шум, а драки нету?»
«Крыл последними словами».
«Кто последний? Я за вами».

Входит пара Александров под конвоем Николаши.
Говорят «Какая лажа» или «Сладкое повидло».
По Европе бродят нары в тщетных поисках парашаи,
натываясь повсеместно на застенчивое быдло.

Размышляя о причале, по волнам плывет «Аврора»,
чтобы выпалить в начале непрерывного террора.
Ой ты, участь корабля:
скажешь «пли!» – ответят «бля!»

«Сочетался с нею браком».
«Все равно поставлю раком».
«Эх, Цусима-Хиросима!
Жить совсем невыносимо».

Входят Герцен с Огаревым, воробьи щебечут в рощах.
Что звучит в момент обхвата как наречие чужбины.
Лучший вид на этот город – если сесть
в бомбардировщик.
Глянь – набрякшие, как вата из нескромная
ложбины,

размножаясь без резона, тучи льнут к архитектуре.
Кремль маячит, точно зона; говорят, в миниатюре.

Ветер свищет. Выпь кричит.
Дятел ворону стучит.

«Говорят, открылся Пленум».
«Врезал ей меж глаз поленом».
«Над арабской мирной хатой
гордо реет жид пархатый».

Входит Сталин с Джугашвили, между ними вышла ссора.
Быстро целятся друг в друга, нажимают на собачку,
и дымящаяся трубка... Так, по мысли режиссера,
и погиб Отец Народов, в день выкуривавший пачку.
И стоят хребты Кавказа как в почетном карауле.
Из коричневого глаза бьет ключом Напареули.

Друг-кунак вонзает клык
в недоеденный шашлык.

«Ты смотрел Дерсу Узала?»
«Я тебе не все сказала».
«Раз чучмек, то верит в Будду».
«Сукой будешь?» «Сукой буду».

Входит с криком Заграница, с запрещенным полушарьем
и с торчащим из кармана горизонтом, что опошлен.
Обзывает Ермолая Фредериком или Шарлем,

главный.

У меня в душе Жар-птица и тоска по государю.
Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной.
Дайте мне перекреститься, а не то – в лицо ударю.
Хуже порчи и лишая – мыслей западных зараза.
Пой, гармошка, заглушая саксофон – исчадь джаза».

И лобзают образа
с плачем жертвы обреза...

«Мне – бифштекс по-режиссерски».
«Бурлаки в Североморске
тянут крейсер бечевой,
исхудав от лучевой».

Входят Мысли о Минувшем, все одеты как попало,
с предпочтением к чернобурым. На классической латыни
и вполголоса по-русски произносят: «Все пропало,
а) фокстрот под абажуром, черно-белые святыни;
б) икра, севрюга, жито; в) красавицыны бели.
Но – не хватит алфавита. И младенец в колыбели,

слыша “баюшки-баю”,
отвечает: “мать твою!”».

«Влез рукой в шахну, знакомясь».
«Подмахну – и сразу в Сочи». «Помесь
лейкоцита с антрацитом
называется Коцитом».

Входят строем пионеры, кто – с моделью из фанеры,
кто – с написанным вручную содержательным доносом.
С того света, как химеры, палачи-пенсионеры
одобрительно кивают им, задорным и курносым,
что врубают «Русский бальный» и вбегают в избу к тятю
выгнать тятю из двуспальной, где их сделали, кровати.

Что попишешь? Молодежь.
Не задушишь, не убьешь.

«Харкнул в суп, чтоб скрыть досаду».
«Я с ним рядом срать не сяду».
«А моя, как та мадонна,
не желает без гондона».

Входит Лебедь с Отраженьем в круглом зеркале, в
котором
взвод берез идет вприсядку, первой скрипке корча рожи.
Пылкий мэтр с воображеньем, распаленным гренадером,
только робкого десятку, рвет когтями бархат ложи.
Дождь идет. Собака лает. Свесясь с печки, дрянь косая
с голым задом донимает инвалида, гвоздь кусая:

«Инвалид, а инвалид.
У меня внутри болит».

«Ляжем в гроб, хоть час не пробил!»
«Это – сука или кобель?»

«Склока следствия с причиной
прекращается с кончиной».

Входит Мусор с криком: «Хватит!» Прокурор скулу
квадратит.
Дверь в пещеру гражданина не нуждается в «сезаме».
То ли правнук, то ли прадед в рудных недрах тачку
катит,
обливаясь щедрым недрам в масть кристальными
слезами.
И за смертною чертою, лунным светом залитою,
челюсть с фиксой золотою блещет вечной мерзлотою.

Знать, надолго хватит жил
тех, кто головы сложил.

«Хата есть, да лень тащиться».
«Я не блядь, а крановщица».
«Жизнь возникла как привычка
раньше куры и яичка».

Мы заполнили всю сцену! Остается влезть на стену!
Взвиться соколом под купол! Сократиться в аскарида!
Либо всем, включая кукол, языком взбивая пену,
хором вдруг совокупиться, чтобы вывести гибрида.
Бо, пространство экономя, как отлиться в форму массе,
кроме кладбища и кроме черной очереди к кассе?

Эх, даешь простор степной

без реакции цепной!

«Дайте срок без приговора!»

«Кто кричит: «Держите вора!»?» «

«Рисовала член в тетради».

«Отпустите, Христа ради».

Входит Вечер в Настоящем, дом у чорта на куличках.

Скатерть спорит с занавеской в смысле внешнего

убранства.

Исключив сердцебиенье – этот лепет я в кавычках –
ощущенье, будто вычтен Лобачевский из пространства.

Ропот листьев цвета денег, комариный ровный зуммер.

Глаз не в силах увеличить шесть-на-девять тех, кто умер,

кто пророс густой травой.

Впрочем, это не впервой.

«От любви бывают дети.

Ты теперь один на свете.

Помнишь песню, что, бывало,

я в потемках напевала?»

Это – кошка, это – мышка.

Это – лагерь, это – вышка.

Это – время тихой сапой

убивает маму с папой».

И. Бродский

От Правд, затмивших правду дней,
От лжи, что станет им итогом,
Одно спасенье – стать умней,
Сознаться в слабости своей
И больше зря не спорить с Богом.

Н. Коржавин

Современная Россия

Зарисовки из русского ада

Ю.С. Пивоваров

Хуже всего была безнадежность как норма жизни, как обыденность.

А. Михник

Стилистически эта работа состоит из ряда отрывков – маленьких эссе, заметок, воспоминаний. Все они навеяны тревогой и предощущением грозных событий. Надеюсь, что повышенная эмоциональность и местами – увы! – пафосность не заслонят главную тему: «Что с нами будет?». Также не теряю надежды, что мозаичность текста не перечеркивает стремления автора к целостному видению.

I. «Из-под каких развалин говорю...»

Поставив в название первого раздела эту знаменитую ахматовскую строчку, подумал: а ведь для меня «развалины» не только политическая метафора, но и совершенно трагическая практика. Это и есть тот контекст, в который я поме-

щаю свои беглые размышления о нашей действительности. Она стремительно меняется, и я не могу даже приблизительно ответить на вопрос: «Куда движется Россия?». Во всяком случае, как говорил Арнольд Тойнби: «History is again on the move». Я всегда ощущал себя поздним потомком русских «лишних людей». Временами мне казалось это внутренним пижонством. Но происходящее все-таки убеждает, что эта идентификация не столь уж не точна. И мне очень близко самоощущение Раймона Арона начала 30-х годов: «Я приехал в Германию, я был еврей, и знал это, но, если можно так сказать, осознавал это не вполне»⁴...

Почему не получилось (Памяти Юрия Нагибина)

Этот умный наблюдатель и пониматель (если так можно сказать, но о Юрии Марковиче хочется) советской жизни записал в ноябре 1969 г. (хорошо помню это время и ощущение – одновременно – давящей тоски и поэтического, не в смысле стихосложения, порыва...): «Нет ничего страшнее передышек. Стоит хоть на день выйти из суеты работы и задуматься, как охватывает ужас и отчаяние. Странно, но в глубине души я всегда был уверен, что мы обязательно вернемся к своей блевотине. Даже в самые обнадеживающие времена я знал, что это мираж, обман, заблуждение и мы с

⁴ Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002. – С. 36.

рыданием припадем к гниющему трупу. Какая тоска, какая скука! И как все охотно стремятся к прежнему отупению, низости, немоте. Лишь очень немногие были душевно готовы к достойной жизни, жизни разума и сердца; у большинства не было на это сил. Даже слова позабылись, не то что чувства. Люди шугались даже призрака свободы, ее слабой тени. Сейчас им возвращена привычная милая ложь, вновь снят запрет с подлости, предательства; опять – никаких нравственных запретов, никакой ответственности – детский цинизм, языческая безвинность, неандертальская мораль»⁵.

Точный диагноз. Но от этой точности – тошно. Через сорок шесть лет (почти полвека!) вновь все то же самое. А может, и похуже тех времен. Что-то не видно нынче активного правозащитного движения, сахаровых, солженицыных, буковских. Нет атмосферы Окуджавы – Галича – Высоцкого. Маргинализировалась переживавшая тогда подъем весьма широкая (в смысле и массовости, и палитры убеждений) гуманистическая интеллигентская культура. Церковь, зажатая железным обручем официального атеизма и гэбэшного конвоя, хотели того сами церковники или нет, в ту пору ставшая для многих (прежде всего молодых) пристанищем другой (лучшей) действительности, пространством обретения новых смыслов и укреплении в противостоянии злу. Сегодня же...

⁵ Нагибин Ю.М. Дневник. – М.: Независимое издательство ПИК, 1996. – С. 258.

Тогда, на рубеже 60–70-х и далее, вплоть до перестройки, наличный пессимизм уходящей жизни в значительной степени уравновешивался оптимизмом воображения и надежды. У многих в рамках той самой интеллигентской культуры были свои варианты лучшего будущего для Отечества (и в них верили). Вернуться в семью цивилизованных (читай: западных) народов, вновь пойти по органическому историческому пути (т.е. обратиться к дореволюционным порядкам), построить общество демократического социализма («с человеческим лицом») и т.д. И под каждый вариант будущего подводился солидный идейный и научный фундамент. Ныне же по прошествии почти 25 лет с момента краха СССР дискредитированы, провалились все **релевантные**, когда-то авторитетные концепции социального развития (либерально-правовые, социал-демократические, христианско-демократические, европейски-консервативные и т.п.). Как по другому поводу говорил Б. Пастернак: «Все накопленья и залого / Изжеваны до одного. / Хватить бы соды от изжоги! / Так вот итог твой, мастерство?..».

Действительно, все «приличное», доказавшее свою адекватность и эффективность в других странах (в том числе и бывших «социалистических»), у нас девальвировалось намного сильнее, чем рубль. За них теперь не дадут «и даже ломаной гитары». В общем интеллектуальный и **психологический** климат хуже некуда. Разумеется, сохранились кучки доктринеров, долбящих свои «истины». Но это так, по инер-

ции.

Что же сегодня? Полный вакуум, совсем нет идей, виденья будущего? – Да есть, конечно. Зайдите в любой книжный магазин (но не в маленькую лавку какого-нибудь академического института), включите телевизор, почитайте газеты, я уж не говорю об Интернете с его возможностями. И вы убедитесь: все в порядке. Книжки, статьи, интервью, «круглые столы», заявления. В таком количестве! И все об одном! – Великий Сталин, «Братья и сестры»⁶, великий сталинский СССР, предательство перестройки, заговор Запада против России, свой особый путь, православная вера, православная цивилизация, либерасты, «пятая колонна», новая опричнина, жидобандеровцы, третья мировая уже идет... В общем приехали. Мракобесие, ложь, клевета, ненависть, примитивизм...

Но **такой** образ прошлого, но **такое** понимание настоящего, но **такие** планы по обустройству будущей России положительно воспринимаются большой (если не большей) частью нашего населения. То есть опаснейшая по своим близким и дальним последствиям идеология (имеются, есте-

⁶ По поводу этого вспоминается: «В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 г. собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: “Братья и сестры!”... – один мужик черной бумажной глотке:– А б...дь, а вот не хотел? – и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. И зароготали мужики». – Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНИКОМ ИВ, 1991. – Т. 7. – С. 20.

ственно, различные ее изводы, но суть, безусловно, одна на всех) находит отклик в сердцах и умах возлюбленных сограждан. Байка, согласно которой народ, большинство не ошибаются, по выражению блатных, не катит. Еще как ошибаются. Недавний XX в. лучшая иллюстрация этому. От этого, правда, не легче. – Как же так? Что произошло с моим народом? Откуда взялось такое количество разжигателей вражды и сторонников зла? Как могли современники забыть или позволить себе не знать обличающего и неотменимого (амнистии не будет и по давности лет) приговора А.И. Солженицына: «На всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназвавшийся “советским”... ни по числу замученных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированности тоталитарности не может сравниться с ним никакой другой земной режим...»⁷. Или его же, горчайшее: «Кто помнит великий исход населения с Северного Кавказа в январе 1943 – и кто ему даст аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами – только бы не остаться у победивших *своих*, – обозы, обозы, обозы в лютую январскую стужу с ветрами»⁸.

⁷ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНИКОМ ИВ, 1991. – Т. 7. – С. 21.

⁸ Там же.

А вот же не хотят знать **этого**. А хотят вернуться в «мир опекунской кабалы, где бедность... справедливо распределена в обмен на повиновение»⁹. У меня нет ответа: **почему**. Подобно множеству исследователей говорю: у нас не было глубокой десталинизации, десоветизации, декоммунизации. Но дело, видимо, не только в этом. Мы, все те, кто мечтал о свободе – осознанно или не очень, – исходили из убеждения, что, когда «оковы тяжкие падут», наши люди, скажем выспренно, выберут добро, реализуют задавленное режимом. Выбрали...

Правда, схожие процессы шли и в странах Центрально-Восточной Европы. А. Михник говорит: «Коммунизм был своего рода морозильной камерой. Многоцветный мир напряженностей и ценностей, эмоций и конфликтов был покрыт толстым слоем льда. Процесс «размораживания» происходил постепенно: сначала мы увидели красивые цветы, а потом грязь и отвратительную пену. Сначала был пафос мирного падения берлинской стены и «бархатной революции» в Чехословакии. Потом – волна ксенофобской ярости, охватившая Восточную Германию в 1992–1993 гг., распад Чехословакии в 1992 г., внезапный рост антитурецких настроений в Болгарии, антивенгерских в Румынии и Словакии, антицыганских во многих странах...»¹⁰. Вот именно, была раз-

⁹ Михник А. Антисоветский русофил. – М.; Вроцлав: Летний сад, 2011. – С. 291.

¹⁰ Там же. – С. 265.

морожена морозильная камера.

Выходит, свободой воспользовались во зло. Выходит, свобода может стать для него новым шансом. Эх, открытие! Ведь предупреждали нас об этом и русские, и зарубежные мыслители. Ведь все мы помним революционно-радикальный и черносотенно-погромный подъем 1905–1907 гг., когда самодержавие пошло на уступки. А Февраль и его последствия! Но в обоих случаях нормальная часть общества сопротивлялась и далеко не безуспешно.

Почему же сейчас этого нет? Или почти нет?

О Борисе Ельцине и о нас (О его и нашей неудаче)

В нашей стране господствует стойкое неприятие двух исторических личностей недавнего прошлого – Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Притом что в реальной политике они были антагонистами, вменяются им одни и те же «преступления»; развал империи – СССР и подрыв того, что нынешние их критики полагают некоей основой, сердцевиной, эссенцией русской жизни (и досоветской, и советской). Слава Богу, окончательно подорвать не удалось, а в последние годы мы даже переживаем ренессанс этих первородных стихий, говорят ревнители советского и «исконно» русского.

В таком историко-психологическом контексте у меня возник вопрос: а что я могу сказать о Борисе Николаевиче,

уже завершившем свой жизненный путь? Что главное о нем должно знать? Разумеется, не его пьяные выходки, не его какую-то природную дикость, неокультуренность, не демагогические обещания, не его, видимо, полное непонимание экономических материй. Да, это и, наверное, другое было. И все же, кажется мне, не этим и не с этим Борис Ельцин вошел в Историю.

Ельцин – это псевдоним нашей попытки преодолеть коммунизм (наряду с Горбачевым). Его имя уже выбрано для обозначения важнейшего периода русской жизни. Далее. Он дважды спасал Родину. В 1991 и 1993 гг. При этом проявил несравнимое мужество и решительность, а также высшую степень ответственности. И оба раза не казнил путчистов. Простил их, дал им возможность вернуться к общественной деятельности. Это предотвратило «большую» кровь, поскольку стало единственно возможной тогда прививкой от гражданской войны. И не следует забывать: победы путчисты 91-го и 93-го гг., они свернули бы ему (и нам) шею.

Ельцин – это и псевдоним 90-х. Сегодня об этом времени говорят – «лихие». Неправда, не лихолетье было содержанием эпохи. Но – возможности и выбор, столь редкие в русской истории. Тема «возможностей и выбора» связана со «свободой», хотя последняя и шире, и глубже ее. Предполагает определенный уровень благосостояния, господство права и др. В 90-е, кто бы ни пришел к власти, это было недостижимо. Однако «возможности и выбор» открывали нам доро-

гу к свободе. Мы не сумели воспользоваться тем, что имели. И все же опыт тех лет не забыт. Нынешнее стояние за свободу имеет свои корни и там.

Но Ельцин – это и псевдоним неудачи выхода из тоталитаризма. На мой взгляд, сегодня главный русский вопрос – наша неудача. Нам не удалось решить основные проблемы этого (несостоявшегося) «транзита». Навскидку назову некоторые, далеко не все. – Декоммунизация, десоветизация. Запрет на распространение коммунистической идеологии. Глубокая реформа правоохранительных органов и спецслужб (гражданский контроль над ними и армией). Серьезные изменения в кадровом составе госслужбы. Законодательное ограничение вмешательства государства в деятельность средств массовой информации. Соблюдение Конституции, минимизация ее «монархических потенциалов», акцент на демократические, федералистские, «правозащитные» начала Основного закона с осторожной, постепенной подготовкой пересмотра сверхпрезиденциализма, вписывание фигуры президента в систему разделения властей. Недопущение симбиоза Государства и Церкви. Преодоление (борьба) милитантности сознания российских граждан. Создание просветительски-образовательной системы (по типу западногерманской «Politische Bildung»), направленной на формирование демократически-правового, антитоталитарного мышления. Отказ, насколько это возможно в специфических российских, постсоветских, условиях, от государ-

ственного капитализма (госмонополии, госкорпорации, верхушка власти в роли владельцев основных богатств страны, «скорохваты»-миллиардеры в качестве мальчиков на побегушках у власти; особое отношение к тем, кто имеет доступ к сырьевому комплексу и оборонке, включая торговлю оружием). Обязательная ориентация на создание социально ответственной рыночной экономики. Партнерская, союзническая по отношению к демократическим государствам внешняя политика с дальним прицелом на вхождение в систему евро-атлантической безопасности и кооперации. Тем самым (нескорое, конечно) превращение ее в евроазиатско-атлантическую.

Список нерешенных проблем можно продолжить. Я же говорил: «навскидку». – Однако дело не в этом. Каждый раз, когда называлась новая проблема, возникал вопрос: а кто ее будет решать? То есть речь идет о социальном субъекте, который инициирует нечто, а затем и приступает к реализации. Таких субъектов (субъекта) не нашлось. **Ельцинские** годы показали, до **какой** степени русское общество было раздавлено коммунистами. И хотя в хрущевско-брежневский период оно потихоньку начало восстанавливаться, ему еще было очень далеко до состояния «civil society».

Ну, тогда непонятно, кто же осуществлял перестройку? Один лишь Горбачев со товарищи? – Неубедительно. Роль реформистской верхушки КПСС громадна, но без широкой массовой опоры (поддержки) ничего бы не вышло. Тем более

в Великую Преображенскую революцию августа 1991 г. и Великую антисоветскую октября 1993 г. (при всей значимости Ельцина и его соратников). Действительно, еще в самые густые советские 70-е стало ясно, что в СССР сформировался массовый слой людей достаточно образованных, информированных, с определенным уровнем потребления и еще бóльшим запросом на него. А. Амальрик (один из тех, кто диагностировал появление этих людей) в своем эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года»¹¹ писал о слое специалистов, который со временем захочет для себя более свободных социальных условий.

Действительно, если в 1917 г. доля горожан в структуре населения России составляла 17,9% (на самом деле и того меньше; к горожанам относили тех, кто временно жил в городе, а городами числили фактически полусельские поселения), то в 1989 г. в СССР – 66% (в РСФСР – 74%; для примера, в США – 72%). Доля работников умственного труда в 1987 г. равнялась 28% (в 1940 г. – 15%). Законченное высшее образование в том же году было у почти 21 млн человек (90 на 1000; в 1939 г. – 1,2 млн, 8 на 1000). Напомним, что в 1989 г. в СССР проживали 286,7 млн человек. Следовательно, если исключить из этой цифры детей, то более 10% советских людей имели высшее образование. К этому следует добавить 3,5 млн с незаконченным высшим и почти

¹¹ Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года // Онтология самиздата. – М.: ИГПИ, 2005. – Т. 2. – С. 381–394.

31 млн со средним специальным. То есть около 55 млн человек (примерно 1/4 всего населения) можно отнести к типу современного человека. – И еще одно: в 1987 г. 1,5 млн человек имели ученые степени (в 1960 г. – \approx 340 тыс.).

Этот слой, «средний советский класс», и был «материальной» основой перестройки и исторических событий начала 90-х. Этим людям было тесно в СССР. Кстати, по всем социологическим опросам нулевых и самого начала 10-х примерно такая же (15–20%) доля российских граждан хотела бы жить в европейском (по типу) обществе. Свобода, право, конкуренция, социальная защищенность и т.д. – вот главные параметры такого социума.

Тогда почему эта достаточно многочисленная и общественно «продвинутая» страта оказалась не в состоянии стать историческим субъектом выхода страны из коммунистического тоталитаризма? С опорой на них, выражая их интересы, удалось разбить тюремные оковы, но не получилось всерьез двинуться к нормальной системе политики и экономики. Негативная программа была выполнена (правда, далеко не до конца, но все же...), а на позитивную сил не хватило. Почему?

Когда-то А.И. Солженицын ввел в русский политический лексикон слово «образованцы». Оно имело негативную коннотацию. Так он назвал своих идейных оппонентов либерально-плюралистических воззрений (статья «Наши плюралисты»). Думаю, что в целом в этой полемике Александр Ис-

аевич был неправ (что не отменяет восхищения и благодарности ему). Но все это дела давно минувших дней (хотя, как сказать...). Мы же попробуем использовать этот термин (разумеется, без его обижающего смысла) в наших целях.

Так вот, страта продвинутых и современных советских людей состояла (в подавляющем числе) из **образованцев**. – Кто это? Что за люди? Когда-то я писал о рождении в середине XX в. (особенно в 50–70-е; в 80-е уже зрелый и даже отчасти «перезревший продукт») массового современного человека. Это индивид эпохи городской Современности (Modernity). Но – советской. Он не знал религиозного воспитания, был обязан к «исповеданию» низкокачественной и злобно-воинствующей идеологии (грубой смеси наивного натурализма-материализма, элементов поверхностного гуманизма, провинциального социал-дарвинизма и фальшиво-оптимистического, низкопробного исторического телеологизма). Он ничего не слышал об основах предпринимательства: не в смысле вора-«скорохвата», какими некоторые из этих людей явились в последние два с половиной десятилетия, но в духе, скажем, «протестантской этики». Он практически не имел никаких связей с Россией дореволюционной, исторической. С Россией, созидавшей гражданское общество и правовое государство (это – не штампы, это – то главное, что мы должны знать об отечестве XIX – начала XX в.). Он был оторван от мейнстрима мировой культуры и социальной эволюции.

...По всему этому **такой** человек оказался не в состоянии решать **положительные политические** задачи. Еще в конце 60-х это предвидел Мераб Мамардашвили: «Отсутствие исторического накопления личностного развития как причина... невозможности политики»¹². – Как причина невозможности политики, которая есть поле конкуренции и сотрудничества юридически равных субъектов в рамках права.

Из «вакуума» в «ничто»? (Почему Россия не Польша)

Ну, хорошо (на самом деле – плохо), нам не удалось (надеюсь, пока) вырваться из тоталитаризма, пройти точку невозврата. А вот у наших бывших солагерников («социалистический лагерь») вроде бы, худо-бедно, получилось. Знаю: на эту тему написано горы профессиональной литературы. И, наверное, не стоило бы ломиться в открытую дверь. Однако для нас сейчас это вопрос высшей важности: почему не сумели? И поэтому хочу напомнить некоторые особенности транзита в Польше. Для русских это не просто страна, другая, соседская или какая-то еще. Польша – часть нашей судьбы, истории, настоящего.

Адам Михник, «антисоветский русофил» (как он сам себя определяет), один из ключевых участников и свидетелей

¹² Мамардашвили М.К. Необходимость себя. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 161.

всех этих «польских дел», говорит: история знает два способа (или пути) выхода из тоталитаризма – немецкий и испанский (по которому и пошло большинство транзитеров). Понятно: немецкий путь Польше был заказан. Тогда – испанский. Эволюция от диктатуры к демократии через компромисс и национальное примирение.

Профессор-правовед Альваро Хиль-Роблес, принявший активное участие в постфранкистском транзите, позднее ставший уполномоченным по правам человека, писал: «Мы выбрали... путь мирного перехода, а не резкого разрыва со старой системой... Мы решили, что, даже если нам это и не нравится, нам придется сесть за стол переговоров с франкистами, с военными, чтобы найти приемлемое для страны решение... избежать разрыва и противостояния. Мы не собирались никого призывать к ответу, хотя не следует забывать, что многие из тех, кто сел за стол переговоров, либо прошли через тюремное заключение, либо побывали в изгнании»¹³.

В польском случае это выглядело так. В качестве площадки для диалога коммунистов и анти (не) коммунистов был создан «круглый стол». Основными игроками на этом столе являлись, с одной стороны, Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) и ее к тому времени немногочисленные, некоммунистические союзники, с другой – Католическая церковь и профсоюз «Солидарность», в который вошла

¹³ Хиль-Роблес А. Испанский опыт перехода к демократии // Вестник Московской школы политических исследований. – М., 1995. – № 1. – С. 149.

сеть антикоммунистических комитетов КОС–КОР (в основном представители интеллигенции). Три последние (антипорповские) организации находились в весьма сложных взаимоотношениях (в результате – худо-бедно, но в решающий момент договорились).

Итак, в Польше конца 80-х имелись: а) коммунистическая власть, которая была вынуждена лавировать (может, точнее, – вертеться) между собственным обществом и Москвой; б) церковь, которая, помимо прочего, была хранительницей традиционного польского духа и социально-духовным пространством, независимым от ПОРП. Избрание Кароля Войтыла Римским папой – Иоанн Павел II – усилило и общественные позиции церкви и, так сказать, актуализировало ее влияние. Вместе с тем это событие играло на руку всем некоммунистическим силам; в) «Солидарность» – мощный всепольский профсоюз, альянс рабочего класса и некоммунистической интеллигенции (как католической, так и светской); г) КОС–КОР – комитеты польской антикоммунистической интеллигенции, включавшие в себя немало людей, имевших опыт подпольной борьбы, тюрем, даже эмиграции. В 80-е годы КОС–КОР действовал вместе с «Солидарностью» и, как отмечалось, стал его частью.

Ко всему этому следует добавить, что польское крестьянство (весьма многочисленное, это вообще одна из самых «крестьянских» стран Европы), к счастью, не пережило тотальной и кроваво-насильственной коллективизации, как

это случилось у нас. В коллективные хозяйства попало 13% от их общего числа, остальным было позволено сохранить свое частничество (частную собственность). То есть хотя по традиционному укладу сельской жизни и был нанесен удар, но далеко не сокрушительный.

Удаче польского транзита способствовало и то, что в послевоенный период, вплоть до конца 80-х годов, на Западе (Франция, Великобритания, США) существовала (и периодически пополнялась) активная польская эмиграция. Да и режим выезда за границу был относительно либеральным. Можно было, как это сделал А. Михник, после окончания школы несколько месяцев провести в Париже или позже между посадками в тюрьму выезжать в Европу. Это как если бы у нас инакомыслящие 60–80-х отправились за советом к П. Струве, Г. Федотову, М. Вишняку и т.д. «Мы» не совпали ни во времени, ни в пространстве.

Наряду с этим в правящих кругах США и некоторых других стран имелись влиятельные пропольские лоббисты (и других восточных европейцев тоже). С давних пор Польша (и не только она) находилась под известной опекой «старших» евро-атлантических держав. Впоследствии «младших» включают в ЕС и НАТО. Тем самым исход транзита был предрешен.

И еще одно важное обстоятельство. Отказ от коммунистической системы был одновременно национальным освобождением от владычества Москвы. Это и само по себе способ-

ствовало поднятию градуса борьбы и было, пусть ненадолго, платформой для объединения разнородных сил. В 90-е и позже не столь актуальный уже антикоммунизм был заменен традиционным для поляков антирусским комплексом (я пишу это с тяжелым сердцем, поскольку люблю Польшу, но все-таки закрывать глаза на **это** было бы нечестно). То есть антироссийские настроения сплачивают польское общество и, если можно так сказать, ориентируют его на скорейшее возвращение в Европу.

Называя ряд положительных факторов, способствовавших успешному (в целом) переходу к демократии, необходимо сказать о «центральноевропейской идее». В 1997 г. А. Михник писал: «Несколько десятилетий назад писатели, художники и философы придумали Центральную Европу, как царство духа свободы, неоднородности и толерантности»¹⁴. Они «прочли заново и представили миру духовное богатство этого региона, находящегося на стыке народов, религий и культур, – как воплощение в жизнь идеала многокультурного общества, как миниатюрную модель Европы, созданную по принципу: максимум неоднородности на минимуме пространства»¹⁵. Конечно, описывая феномен Центральной Европы, автор берет несколько через край. Но все-таки это идея, идеал, идеализация, а не фотография или научный анализ. Вчитываясь в эти строки А. Михника, начи-

¹⁴ Михник А. Указ соч. – С. 264.

¹⁵ Михник А. Указ соч. – С. 264.

наешь понимать: действительно у Польши (и в разной степени у других бывших наших сателлитов Старого континента) имелись гораздо более веские основания для успеха демократического транзита (хочу подчеркнуть: этот термин я использую в несколько ином смысле, чем классические транзитологи).

«Преимуществом малых народов было отсутствие имперских черт, что превращало их в естественного союзника свободы и терпимости. Этот исторический опыт – десятилетия и столетия существования в условиях угнетения и репрессий – создавал специфическую духовность, характеризующуюся достоинством и самоиронией, упорным стремлением сохранить духовные ценности и смелостью веры в романтические идеалы. Здесь национальное и гражданское сознание складывалось в результате межчеловеческих уз и отношений, а не по приказу государственных институтов. Здесь легче было сформулировать идею гражданского общества, поскольку суверенное национальное государство оставалось обычно в сфере мечтаний. Культурная неоднородность этого региона... представляла собой самое лучшее оружие самозащиты против претензий этнических или идеологических держав»¹⁶.

Далее А. Михник рассказывает о тех трудностях, с которыми столкнулась концепция Центральной Европы в 90-е годы, после падения коммунизма. Но как бы там ни было, на-

¹⁶ Там же. – С. 264–265.

ряду с общеевропейской и евро-атлантической идентичностями в конце XX в. Польша обрела еще одну (крайне важную и перспективную) – центральноевропейскую. **Им было куда идти.** В отличие от нас. Когда-то, четверть столетия назад, замечательный мыслитель и ученый А.Б. Зубов назвал одну из своих статей так – «Советский Союз: Из империи в ничто?»¹⁷. В известном отношении оказалось «в ничто». Не менее адекватно было осторожное наблюдение тех же примерно лет знаменитого Эрнста Геллнера: «Мы можем теперь изучать Россию, чтобы понять, как гражданское общество может возникнуть из вакуума (если оно может из него возникнуть)»¹⁸. Так что из «вакуума» в «ничто». Конечно, это слишком суровый и прямолинейный приговор. Наличная жизнь гораздо сложнее и не абсолютно бесперспективна. Но как тенденция это так.

* * *

Правда, в начале 10-х годов у меня была надежда на то, что в России возможна широкая, структурированная, конструктивная демократическая оппозиция. Ведь сумели же мы в конце 80-х – начале 90-х – худо-бедно – сделать это (да,

¹⁷ Зубов А.Б. Советский Союз: Из империи – в ничто? // Полис. – М., 1992. – № 1. – С. 56–74.

¹⁸ Геллнер Э. Условия свободы // Вестник Московской школы политических исследований. – М., 1995. – № 1. – С. 148.

не очень структурированно, не всегда конструктивно, но...). И разве не свидетельствовали об этой возможности социологические опросы. До 20% населения хотели бы жить в правовом государстве, свободном, конкурентном обществе. И это не менее 30 млн взрослых людей (в основном жители больших и средних городов). С количественной точки зрения все в порядке.

Но не получилось. Не оказалось готового к преобразованиям и борьбе за них исторического субъекта (мы уже говорили об этом). Что же нам остается? – Ну, прежде всего, осознать: **что** происходит. Судя по всему, нас ждет довольно длительное существование в условиях радикальной несвободы и подавления инакомыслия. В большинстве своем граждане России приветствуют (с той или иной степенью вовлеченности и энтузиазма) установление подобного порядка.

Можно, конечно, списать все на губительную советскую систему, на грабительские 90-е, на падение цен на нефть, подкосившее наше историческое здание... Однако посмотрим на наличное (невывымышленное, нечаемое) общество. Газета «Ведомости» (28 мая 2015 г.) публикует данные: живущие на зарплату, пенсии, госпособия – 66,3% населения; бизнесмены, люди свободных профессий, отходники – 15,2; лишённые свободы, судимые, бомжи – 13,4; представители власти – 5,1%. За последние 20 лет каждый восьмой мужчина прошел через заключение, знаком с криминальной субкультурой каждый четвертый мужчина.

Да, структура современного русского общества «впечатляет». И, наверное, объясняет, почему не получается. Конечно, социологи и историки назовут причины становления подобной «конфигурации». Но мы же не только это хотим и должны знать. Ведь главный наш вопрос: **как** выздороветь? И возможно ли **это**?

Три этюда о праве

Право как инструмент возрождения тоталитаризма

Что обязательно предполагает право в классическом (европейском) его смысле? – Носителя права, субъекта права, правообладателя¹⁹. При отсутствии такого оно становится орудием (дубиной) власти. В России середины 10-х годов XXI в. стало очевидным: право (повторю, классическое) невозможно во властечетричной культуре, только – в антропоцентричной.

Когда-то В.О. Ключевский сказал о Петре I: «Узаконил

¹⁹ Немецкий юрист и политический мыслитель Карл Шмитт говорил: «Государственный закон до тех пор остается правом, покуда действительностью является ни от кого не зависящая единичность индивида» (Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. – Berlin: Duncker a. Humblot, 1991. – S. 213).

отсутствие закона»²⁰. Сегодня у нас узаконено отсутствие права (нет его носителей), бесправие. Все знают марксистский постулат: право – воля господствующего класса, возведенная в закон. Это полностью применимо к России начала XXI столетия.

Мы уже на своей шкуре убедились: право и диктатура совместимы. Этот вывод не очень впечатляет своей новизной? Что ж, зато он весьма ощутим. О чем говорит опыт России последних 15 лет? – Если процесс детотализации не доведен до определенной черты, до точки невозвращения, когда уже реставрация невозможна, то начинают возрождаться сохранившиеся потенциалы тоталитарного. Конечно, это не повтор прошлого, даже не новодел а ля зовьетик. Эссенция тоталитарного стремится вылиться в какие-то иные формы, обретает новые качества и свой собственный алгоритм роста. И что очень важно: они обладают способностью «тотализировать» новые явления, институты, процедуры. Те, что возникли в ходе постсоветского развития, в целом либеральные по своей природе.

Хорошо известна точка зрения крайне правых и крайне левых идеологов: либерализм является питательной средой фашизма (шире – тоталитаризма), порождает его (не стоит удивляться схожести позиций антагонистов; вспомните Иосифа Виссарионовича: пойдешь налево, придешь напра-

²⁰ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: в 3-х т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 3. – С. 61.

во; или – наоборот, точно не помню). Мне всегда был отвратителен этот вывод; он казался оскорбительным для высокой либеральной мечты и порядка. Сегодня я думаю так же. Но... опыт жизни в постсоветском обществе открыл мне следующее: там, где либеральное есть лишь фрагмент, набросок, «не-мейнстрим», оно может быть переработано в тоталитарное.

В каком-то, очень определенном, смысле либеральное 1990-х – начала 2000-х годов можно сравнить с НЭПом 1920-х. Последний был конвертирован в сталинизм. А его историческая роль свелась к частичному реанимированию страны после революций и войн, т.е. подготовке к тоталитарной переделке. Октябрь 17-го, помимо прочего, уничтожил новое, гражданское, то, что шло на смену традиционалистскому. Как становится очевидным сегодня, революция конца 80-х – начала 90-х смела *новое советское* (интеллигенция, наука, инакомыслие etc.), которое вроде бы победило, но в конечном счете было растерто в жерновах 90-х. Они перемололи не номенклатуру, КГБ, чиновничество, милитаризм и т.д., но это самое новое советское.

Старое советское, воспользовавшись невиданными в СССР возможностями и свободами, уничтожило *новое советское*. В Союзе этого быть не могло. «Застой» был формулой равновесия старого и нового. Так сказать, исторический компромисс. Следует подчеркнуть: новое по преимуществу было «гуманитарией», не имело организационных навыков

и умения открытого противостояния. Поэтому оно и стало жертвой опытного хищника. Постсоветский либерализм был той пищей, пожрав которую начал возрождение русский тоталитаризм. Причем использовал главный либеральный инструментарий – право.

Об опасности права. Право как произвол

Правозащитники внесли в русское сознание и культуру идею права как фундаментальной, а не инструментальной ценности и тему прав человека (впервые я услышал это от Сергея Лёзова где-то в 1985 г.). Реализация этого была одной из целей перестройки и первых лет существования Российской Федерации. Но через четверть века оказалось, что законы и юридические механизмы используются не для обеспечения прав человека, но – напротив, для лишения его таких. Казалось, общество устремилось к свободе, правовому порядку, безопасности на основе права, а въехало в «безурядицу» (В.О. Ключевский о Смуте) полицейско-юридического насилия и бессилия человека перед этой машиной.

Однажды в русской истории мы уже наступали на похожие грабли. Свободное развитие каждого – условие для свободного развития всех. Хорошо, точно, радостно. Даже трудно поверить, что это сказал вечно раздраженный, неудовлетворенный, заносчивый человек. И скучный. А эти слова действительно веселые. – Но оказалось, что его европейские,

азиатские, латиноамериканские и т.д. ученики, отталкиваясь от этой максимы, соорудили в своих (и чужих) странах такие пыточные камеры, что...

В чем же дело? Марксизм начинался как гуманистическая утопия идеального будущего. Когда отцы-основатели закончили свой земной путь, их учение уже не было никакой такой утопией. А было: сложным сочетанием инструкции по безжалостному уничтожению наличного мира (разумеется, несправедливого, но разве бывает иной?), глубокого анализа социально-экономического устройства Европы второй половины XIX в. и атеистически-религиозного проекта «конца истории», которое навязывалось средне- и малокультурному большинству в качестве нового и единственного варианта спасения (в квазисотереологическом смысле). Почему марксизм победил? В России, Китае, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа, на Кубе и т.д. потому, что был удобным, эффективным, адаптивным (к совершенно разным национальным традициям) и беспощадным орудием и оружием для реализации *безответственных* планов по устройению лучшего мира. Марксизм является самым убийственным примером интеллектуально-психологического *безответствия*.

Правда, существует и другой марксизм – Каутского, Бернштейна, Жореса, социал-демократов и социалистов. Но они марксисты лишь в том смысле, что озабочены «судьбой человека» в его социально-справедливом измерении. Они использовали марксизм, присваивая себе некоторую его

тематику, социальную критику и интенцию справедливости. Это – «европейский марксизм». Он так же отличается от евразийско-азиатско-латиноамериканского, как умеренно-влажный морской климат от резко континентального. Замечу: в том, что я говорю, нет ни грана климатического расизма (ведь и сам выходец из «резко континентальных»). К тому же климат в моем контексте – категория не природного мира, но – нравственного, т.е. выбор, решение, ответственность. (И хотя это уводит в сторону, не могу удержаться: формационные и цивилизационные концепции при всем их величии и блеске растаяли или замерзли (кому что ближе) как раз в марксистскую эпоху. Время безответственности.)

* * *

С марксизмом мы ушли в сторону от правовых материй. Но, повторю, мне кажется в чем-то сущностно схожим наше обращение с правом и этим научно-идеологическим феноменом. Однако Генеральная прокуратура России вернула меня к разговору о юридическом. Относительно недавно ее официальный документ зафиксировал: решение о передаче Крыма в состав УССР было принято президиумами Верховных советов РСФСР и СССР с нарушением Конституции РСФСР и СССР. Получается, что Генпрокуратура РФ хочет переписать историю. Это еще один пример того, как в неправовом по своему характеру обществе право можно исполь-

зовать в качестве дубины.

Если еще вчера правящие круги России боролись с фальсификацией истории, т.е. с неверным или лживым, с их точки зрения, ее пониманием, то теперь они начали ее исправлять. Это примерно так же, как человек в свои зрелые годы, осознав какое-то свое действие в прошлом неправильным, объявляет его небывшим.

Ведь что сделала Генпрокуратура? Она объявила ошибочным действие кремлевской верхушки в 1954 г. Тем самым юридически вернула Крым в состояние до 1954 г., а все то, что было с Крымом после 1954 г., назначила считать небывшим. В том числе и Конституцию УССР 1978 г., согласно которой Крымская область являлась составной частью Украины.

То, что решение Генпрокуратуры с правовой точки зрения – нерелевантно, можно не обсуждать. Современная Украина – и это признано международным правом – полагает себя правопреемницей УССР. И на этом основании, а не вследствие решения Хрущева, рассматривает Крым своей составной частью.

В целом же решение Генпрокуратуры создает не просто опасный, но убийственно опасный прецедент. Пофантазируем. Генпрокуратура объявляет юридически несостоятельным и фактически недействующим решение Верховного Совета СССР о включении в состав РСФСР Карело-Финской ССР на правах автономной Карельской Советской Соци-

листической Республики (напомним: в 1940–1956 гг. Карело-Финская Республика имела уровень союзной). В этом случае Карельской автономии возвращают права союзной республики. А поскольку из состава СССР вышли все союзные республики, то Карело-Финская обретает независимость и госсуверенитет. То же самое можно сказать о Республике Тыва, которая в 1944 г. вступила в состав СССР, и т.д.

Генпрокуратура (читай: Кремль) хочет контролировать и переделывать не только российское общество, но и отечественную и мировую историю. В современной практике есть два типа сил: жесткая и мягкая, *hard* и *soft powers*. Россия, видимо, изобрела третью – юридическую, которой подвластно все – даже история.

Естественное право и идеология

Великий правовед (и по совместительству один из основателей французской политической науки) Леон Дюги говорил, что история знает два мифа, легитимирующих социальные порядки и власть, – сакральный и демократический (он же – либеральный, правовой). Второй приходит на смену первому. При этом речь идет не только о легитимации, но и о регулировании функционирования общества. Принципиально отличаясь друг от друга, оба мифа содержат важнейшее общее: признание равенства людей в главном. В рам-

ках религиозного – перед Богом, в рамках правового (либерального, демократического) – перед правом. Это равенство (ключевое для культуры) обеспечивается естественным правом, которое, заметим, имеет сегодня два главных извода – религиозное и «посюстороннее».

Повторим: признание равенства людей в главном. В «неглавном» равенство в обоих случаях не предполагается. Поскольку иерархичность, плюральность, социальные различия суть имманентные для каждого общества состояния. Но не они являются предельными характеристиками человека²¹.

XX век принес иной миф, появился иной регулятор. Это не значит, что окончательно ушло сакральное; что же касается правового, то оно, напротив, резко усилилось. Просто появилось нечто третье. **Идеология.** Речь здесь идет не о консервативной, либеральной, социально-демократической; они вполне вписываются в правовую парадигму. Имеются в виду – коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая (расставлены согласно временному ранжиру). Разумеется, эти идеологии во многом различны и даже антагонистичны. Но в двух пунктах идентичны. Оправдание насилия, борьбы и утверждение неравенства в главном (да, да, это относится и к коммунистическому мифу).

Все три идеологии (фашистская в меньшей степени) по-

²¹ О «предельном» и «непредельном» в человеке Монтескье: «Я являюсь человеком благодаря природе; я являюсь французом благодаря случаю».

строены на классовой борьбе, борьбе рас, наций и т.д. И здесь большой роли не играет то, что коммунизм ставил своей конечной целью полное равенство во всем, а фашизм – построение солидаристского общества на базе корпоративного мира и сотрудничества. По дороге к этим целям и предполагалась, и осуществлялась политика насилия, направленная против абсолютного большинства граждан. Это-то и есть главное. Религиозное (сакральное) говорило: помиримся через любовь к Богу и друг к другу и во имя этой любви. Правовое (либеральное, демократическое): помиримся через договор и во имя мира (чтобы не было свары). Идеологическое: кто не с нами, тот против нас, кто не «мы», тот не имеет права на существование.

Суть идеологического точно выразил Карл Шмитт, крупнейший правовед и политический мыслитель XX столетия. Одновременно – «коронный юрист» Третьего рейха, теоретик тоталитарного нацистского режима, апологет антисемитизма. Ему принадлежит такая максима: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто – ты». И «поправляя» Декарта: «*Distingio ergo sum*» («Разделяю, следовательно, существую»). Человек и коллектив существуют только в том случае, если у них есть враги. «Иметь врагов» равняется «существовать», «иметь врагов» – онтологическое качество. Бытие, бытийственность вне и без врагов и борьбы с ними невозможна по определению. Идентифицировать врага – важнейший шаг и единственный способ самоидентифика-

ции. Обо всем этом смотри постыдные и по-своему гениальные послевоенные дневники Карла Шмитта²².

Вместе с тем идеология заимствует (может быть, точнее: эксплуатирует) важные компоненты у своих предшественников (во временном смысле). У сакрально-религиозного: наличная (физическая) жизнь человека лишь подготовка к будущей – в тысячелетнем рейхе, нескончаемом коммунизме. Остается только «верить» в это. Знать не дано. У либерального: особым образом интерпретируемый лозунг «свобода, равенство, братство». У одних для арийцев, у других для всех, кто будет жить при коммунизме. И это тоже идеал (цель). Если сейчас не получается, давайте работать (бороться) дальше. Может выйдет. Надо верить. То есть типологически схоже с заимствованием у религиозного.

Однако естественного права в составе идеологии нет. Наличие его сделало бы невозможным дискредитацию по социальным и национальным признакам. Тогда – в конечном счете – все были бы равны. Естественное право, напомним, это то, что объединяет (или соединяет) сакральное и профанное, трансцендентное и посюстороннее.

И еще одно обстоятельство. Религия и право говорят о человеке – личности и индивиде. Идеология о группе (массе) – классе, этносе, расе. У Б. Пастернака в романе утверждается, что с приходом Христа (христианства) закончилась история

²² Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. – Berlin: Duncker a. Humblot, 1991.

царств, империй и т.п. и началась история человека. Идеология, сметая религию и право, возрождает «массовости».

Сегодняшнее алкание идеологии крайне опасно.

Суд идет?

25 июня 2015 г. состоялась пятая сессия Конгресса интеллигенции. На ней было принято обращение провести «Общественный трибунал над сталинизмом, Сталиным и его ближайшим окружением» (настоящий суд – с судебной коллегией, обвинением, защитой). Его подписали многие (в том числе и я). Но некоторые положения этого обращения вызвали у меня вопросы. К примеру: судить Сталина и его приспешников «в соответствии с нормами советского права»? Для меня это сомнительно. При этом в проекте «Устава общественного трибунала...», представленного на сессии, с одной стороны, говорится о применении уголовного законодательства «периода правления Сталина» (1929–1953), с другой – о последующей передаче «материалов в уполномоченный орган государственной власти для принятия процессуальных решений в соответствии с действующим процессуальным законодательством РФ». Мне трудно представить, как можно судить Сталина (и любого другого деятеля прошлого) с позиций законодательства сегодняшнего дня.

Поначалу несколько соображений по поводу предмета разбирательства. С моей точки зрения, Сталин не может

быть поставлен в один ряд с Молотовым, Кагановичем и др. И дело здесь не в масштабе преступлений и ответственности за них. Зададимся вопросом: не покончи Гитлер самоубийством, попади он в руки союзников, Нюрнбергский трибунал прошел бы в том же формате или нет? Думаю, было бы иначе. Кейтель, Шахт, Риббентроп и др. и даже Геринг – это одно, а Гитлер иное. Их судили за конкретные преступления. Для Гитлера это не просто «мелковато», это – ни о чем, не по адресу.

Объясню, что имею в виду. Дуче и фюрер переводятся на русский как «вождь». Не государственные деятели, не политики, но – вожди. Что-то из очень прошлого: вожди племен. Эти последние, как правило, совмещали в себе сакральную, властную, хозяйственную и иные функции. В силу определенных исторических обстоятельств вожди оказались возможными и даже востребованными в России, Италии, Германии, некоторых других странах. Глубокое разочарование в наступающей Современности (Modernity) с ее демократией, рынком, нестабильностью и неуверенностью в завтрашнем дне, плюс куча нерешенных проблем дня вчерашнего, плюс разрушительные последствия Первой мировой позволили этим «вождям» захватить власть.

Общим для Муссолини, Гитлера и Сталина была апелляция к славному прошлому. Итальянец облачался в тогу римского императора, немец обращался к реминисценциям из истории древних германцев, русский позже других, но все же

устремил свой взор к «нашим великим предкам» (более всего, видимо, был солидарен с Иваном Грозным). Подчеркнем: дуче и фюрер опирались на дохристианское, языческое бытие своих народов, генеральный секретарь – просто на прошлое, словно не замечая в нем христианства и церкви (кстати, к языческим временам он и не мог обратиться по причине сравнительной краткости нашей дохристианской истории).

Однако все три вождя жили в обществах христианского типа. И хотели они этого или нет, были «вписаны» в структуру именно такого мира. В тот момент он переживал кризис – самопонимания, самоидентификации, веры, наконец (в Италии в меньшей степени). Народы, разуверившись во всем, ждали «спасителей». И они явились. На них в значительной мере были перенесены упования страждущих. Эти выродки были в глазах людей христами. Их образы заняли в душах итальянцев и немцев место Христа. В Германии просто говорили о Гитлере как о явлении арийского Христа²³. Муссолини было сложнее. Через «дорогу» находился Ватикан с Папой, а через другую – король.

У нас иная история. Наместником Бога, Христа традиционно был царь: царь – священник, царь – живая икона. Но царизм рухнул, а «неудачника, недотепу, подкаблучни-

²³ Движение «немецких христиан», в которое вошло до четверти протестантских священников, утверждало, что Гитлер есть явление миру и в мир «арийского Христа».

ка Николашку» пристрелили (вместе с наследником). Душа же народа по-прежнему жаждала царя – спасителя, избавителя, грозного и справедливого. Сталин прекрасно справился с этой ролью. Не знаю, догадывался ли бывший семинарист²⁴, что в сознании народа, в опустошенной его психологии он занял место Божественного Царя. Но и одновременно реализовал многостолетний народный запрос на царя мужицкого, – и это включил в свой образ (человек из народа, в заношенных полувоенных кителях и в сапогах с заплатами). Кстати, народ простил ему и гонения на церковь, и уничтожение крестьянства, и пр.

Такого рода персонажи не подлежат суду. Даже Нюрнбергскому. Проблема в том, что хотят «разобраться» с историческим Сталиным, а он уже давно устойчивый миф. Из тех, на которых строится общественное самопонимание. Борясь со Сталиным-преступником, мы мало затрагиваем миф – опасный, разрушительный.

Скажу больше. В значительной степени я согласен с тем, что говорят о Сталине его поклонники – только у них все это вызывает восторг, а у меня ужас и отвращение. Для них Сталин и есть русская идея. В нем воплотилось все – и «Третий Рим», и «Православие. Самодержавие. Народность» (выяснилось, что именно он воскресил церковь из мертвых, а гнали ее исключительно кагановичи и губельманы), и вековеч-

²⁴ В России хорошо известно, что мать Сталина мечтала видеть его священником. И мать Гитлера своего сына – тоже.

ная коммунистическая мечта русского народа. Иными словами, пока власть и интеллектуалы пытались сформулировать национальную идею, люди нашли ее сердцем. Разумеется, какого-то официального одобрения верхов пока ожидать не приходится (что будет дальше, мы не знаем). Да в общем и не надо. Ведь Сталин – это «наша» сокровенная любовь, а не показуха или нечто навязанное. Когда-то Ленин утверждал, что Россия выстрадала марксизм. Оказалось: ошибся. «Мы» выстрадали Сталина.

Сегодня (может, «завтра» будет иначе) никакой, даже самый убедительный и доказательный рассказ о преступлениях Сталина не поколеблет его культа у большей части населения России. Ведь настоящей, действенной, рассчитанной на поколения (да-да!) десталинизации, декоммунизации, десовьетизации не было (и не предвидится). Через десять лет после окончания войны (1955) в Западной Германии был проведен опрос об отношении к Гитлеру. Так вот, более 50% людей положительно оценили личность и деятельность тевтонского людоеда. После стольких усилий союзников, немецких демократов, после уничтоженной и униженной страны, после ее небывалого поражения, после экономического возрождения, после тотальной и жесткой денацификации²⁵ нем-

²⁵ К примеру, программа «Re-Education» предполагала принудительные экскурсии в места массовых убийств, демонстрацию в кинотеатрах зарубежных фильмов о концлагерях. Через общенациональную антинацистскую систему «Politische Bildung» прошло практически все население ФРГ.

цы (в своем большинстве) сохранили любовь к Гитлеру²⁶. Кстати, и Муссолини у немалого числа итальянцев вполне себе герой и «отец народа». Что про нас-то говорить!

А каково отношение власти к Сталину-мифу? С одной стороны, он вроде бы должен мешать ныне начальствующим. Можно проиграть при сравнении, да и в тени этого гиганта остаться. Но с другой – выдвинув Войну на место центрального события русской истории, они, безусловно, возвели его на самый высокий пьедестал. Если важнейшее в нашем прошлом (и настоящем!) Война, а Сталин, чтобы там ни говорили его противники, главный в ней, то и получается... Я несколько раз писал (и не буду здесь повторяться) о том, что современный русский режим имеет своим происхождением Великую Отечественную – там его корни. И там он черпает историческую легитимность. Следовательно, Сталин – источник нынешней власти, «столп и утверждение». Поэтому сталинский миф, чтобы негативного о сталинизме ни говорили в разное время российские лидеры, – «живая вода» властной системы середины 10-х годов XXI в.

Каковы мои возражения против того, чтобы Сталина (да и всех его приспешников) судить по советским законам? Если мы пойдем на это, то придадим советскому «праву» (законам) статус права. То есть мы легитимируем и легализу-

²⁶ Да и не только к этому «взбесившемуся неотесанному плебею» (Т. Манн). В 1959–1960 гг. в Западной Германии прошли многочисленные антисемитские погромы. Около 20% опрошенных граждан заявили тогда, что евреи отчасти сами виноваты в том, что их убивали.

ем советскую систему. Логика здесь такова. Мы покажем, что Сталин нарушал советские законы, что он – преступник. Следовательно, автоматически признаем советские законы и утверждаем наличие в СССР правопорядка. Тогда все сводится к старому, прозвучавшему в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде тезису: нарушение социалистической законности.

Вообще-то, конечно, имеется некая высшая элегантность в «советском» суде над Сталиным. Он убивал «нас» статьями своего законодательства, теперь мы найдем статьи для него. Его же удавкой – его же. Да, но таким образом Сталин отделяется от тогдашних законов. *А он и есть эти законы.* Иосиф Виссарионович не нарушал социалистическую законность, но – воплощал. Другое дело, что она и была абсолютным нарушением законности. Причем не какой-то «абстрактной», а выработанной в ходе эволюции европейско-христианского исторического субъекта («элементом» которого, вне сомнения, являются и русские).

Попутно замечу: советское законодательство принципиально отличалось от национал-социалистического. Гитлер не отменил Веймарской конституции 1919 г. и «буржуазного» правопорядка. Были внесены очень важные «тоталитарные» изменения, калечившие правовую систему. С годами «правоприменение» становилось все более насильственно-террористическим. Специалисты говорили о двух государствах в рамках Третьего рейха: традиционном Веймарском и новом национал-социалистическом. Причем пространство первого

постоянно сужалось. И тем не менее сохранялись остатки правовой государственности.

Большевики же, что хорошо известно, начали с принципиального отказа от ценностей цивилизованного мира. Отрицались религия, государство, право, семья, частная собственность, деньги etc. Жизнь оказалась сильнее. Что-то пришлось вернуть, – правда, в изуродованном виде. Это касается и юридической материи.

Внешне имелись конституции (1918, 1924, 1936, 1977), законы, суды, прокуроры, адвокаты. Но право не возвратилось в советское общество. (Речь даже не о чисто террористических законах, подзаконных актах, постановлениях и т.д.) Приведем пример – КПСС. В Конституции 1936 г. о КПСС (тогда – ВКП (б)) говорится в глубине текста и как-то мимоходом (Глава X. «Основные права и обязанности граждан», ст. 126): «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»²⁷. – Заметим: все это как-то рыхло, общо, не по-юридически. Декларативно.

Ситуация несколько изменилась в Основном законе 1977

²⁷ Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 242.

г. В главе I «Политическая система» имеется знаменитая ст. 6. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия»²⁸. Это уже весомее, определеннее, так сказать, политичнее.

Действительно, коммунисты верховодили во всем. Только вот одна неувязочка. С 1917 по 1991 г. в СССР не был принят закон о коммунистической партии. Поэтому даже в рамках советского права это была нелегальная, подпольная организация. Конституционные тексты 1936 и 1977 гг. провозглашали господство не существовавшей в правовом пространстве организации. Парадоксальным образом, некую легитимность КПСС придал Указ Б.Н. Ельцина о запрете деятельности этой «партии» на территории (тогда еще) РСФСР. Ведь нельзя же юридически запретить то, чего юридически не существует. Эдакая посмертная легитимация и легализация.

В отличие от сталинского Союза, в гитлеровском рейхе 1 декабря 1933 г. был принят Закон об НСДАП («корпорация публичного права»)²⁹. То же касается правового статуса первого лица в Союзе и в рейхе. Никакого генерального секретаря в конституционных текстах и законодательстве

²⁸ Там же. – С. 113.

²⁹ Точное название: «Закон об обеспечении единства партии и государства».

нет и в помине³⁰. А вот Гитлер озаботился своим правовым положением. 1 августа 1934 г. внес изменение в Веймарскую конституцию: «Законом о главе Германского рейха» он объявлялся одновременно и рейхспрезидентом, и рейхсканцлером. 2 августа 1934 г., в день когда умер Гинденбург, Гитлер упразднил пост президента, теперь он был «фюрер и рейхсканцлер».

Да, вдогонку. Закона о КГБ у нас тоже никогда не было. И нигде в «правовых» документах эта организация не упоминалась. Нелегалы...

Мне возразят: принципиальный отказ судить Сталина есть заблуждение. Вы утверждаете, что Сталин – миф, Сталин – псевдохристос, Сталин – псевдосакральный царь, Сталин – русская идея не может быть «измерен» статьями законодательства (советского, но это в *данном* контексте не важно; главное вообще правом). Напротив, скажут мои оппоненты, через суд мы демифологизируем *такого* Сталина. С «небес» да на грешную землю. И смотришь: это уже не псевдобог и сказочное «наше все», а человек, нарушавший законы, виновный в таких-то конкретных преступлениях.

В противном случае – если не судить – Сталин останется во всех этих своих образах. То есть Вы сами того не ведая, льете воду на мельницу сталинопоклонников. Все Ваше рас-

³⁰ В проекте «Устава трибунала над Сталиным» говорится о «превышении должностных полномочий». Но какие должностные полномочия были у главы нелегальной по этому самому праву партии?

суждение есть по сути апология Сталина, пусть цели были прямо противоположные.

Что ж, частично я готов принять эти гипотетические возражения. Вообще заманчиво (в хорошем смысле) отбросить высокопарность, мифологию и перейти к нормальному юридическому «разговору» с гражданином Сталиным (Джугашвили). Наверное, кому-то (даже, допуская, многим) это откроет глаза на «полковнца полководцев» (маршал Д. Язов о своем Верховном). Разве не этого хотим мы?!

Но... представим себе немцев в нашей ситуации. Рейх устоял во Второй мировой. Гитлер умирает (скажем) в 60-е. Режим смягчается, на XXIV съезде НСДАП в Нюрнберге канцлер Шахт обвиняет почившего фюрера в нарушениях национал-социалистической законности. Реабилитируют Рема, Канариса и др. Затем все происходит примерно по нашему сценарию... И в 2015 г. демократическая общественность Германии, обеспокоенная ростом симпатий к Гитлеру и расширением гитлеровских практик в немецкой повседневности, приходит к идее трибунала над этим преступником и его бандой. Трибунала, разумеется, общественного. Что эти прогрессивные люди с основательностью, присущей «германскому гению», и делают. Затем материалы передаются в Прокуратуру Федеративной Республики.

Чиновники немеют от неожиданности. Им предлагают начать уголовное преследование бывшего «фюрера и рейхсканцлера» и его окружения за нарушение законов 30–60-х

годов XX в., давным-давно не действующих. К тому же и созданных этими «фигурантами». Тем самым прогрессивная германская общественность не только «признает» эти законы, но и поднимает вопрос об актуальности их использования, т.е. своеобразной реанимации. Следовательно, «юридические практики» гитлеровских времен переживают второе рождение...

Мы рискуем оказаться в схожей ситуации. Убежденные антисталинисты потребуют от государства применения сталинского правосудия.

Тем не менее, принимая во внимание всю проблематичность идеи трибунала, полагаю любое противодействие Сталину, сталинизму оправданным. Более того, необходимым. Это протест против сталинизации нашей жизни и власти. Необходимо использовать каждый шанс, каждую инициативу (даже если не всегда согласны с конкретной формой противостояния).

Убежден, к этому нас подталкивает ситуация. Сегодня мы переживаем возрождение и новый расцвет «культы» Сталина. Он действительно не остался в прошлом, а растворился в будущем (нашем настоящем). Общество снизу доверху пронизано его мифом. И современный режим в своей эволюции, не исключено, «встретится» со Сталиным. Не случайно современники отмечают расширение сталинских практик в российской повседневности. В чем же дело?

Поскольку десталинизация всерьез не состоялась, то ак-

тивизировался противоположный процесс. В этом – раньше мы просто не могли этого знать – закономерность эволюции посттоталитарных обществ. Они либо становятся нетоталитарными, либо имеют тенденцию двигаться вспять, к новому изданию тоталитаризма. В явном виде это происходит только в России. Историческая судьба ее, видимо, такова: сами первые сотворили тоталитарное устройство, сами должны избавиться от него. Нашим бывшим солагерниками из Центрально-Восточной Европы повезло – их включили в европейские и евро-атлантические структуры, тем самым купировав возможность реставрации. Впрочем, все справедливо – без СССР тоталитарные режимы там малопредставимы; да и были они в целом помягче, покороче, в той или иной мере сохранив некоторые элементы гражданского общества. Но – внимание! – в тех сегментах и социальных группах этих бывших «наших», в которых по той или иной причине детотализация оказалась поверхностной, можно обнаружить процессы, схожие с российскими; к примеру – Восток Германии, Венгрия, отчасти Польша.

При подготовке трибунала над Сталиным, вне зависимости от нашего желания, возникают аллюзии на Нюрнбергский трибунал. Все понимают гигантскую разницу ситуаций, но тем не менее... иных значимых прецедентов нет. – Оставив в стороне целый ряд наблюдений и рассуждений по поводу Нюрнберга, обращу внимание на его схожесть с XX съездом КПСС (сразу же посыпятся возражения, подождите...).

Скажу резче: это и есть *русский* Нюрнберг, другого не будет, другой невозможен. Но в чем схожесть?

И там, и там речь шла не об обвинениях, основанных на определенном законодательстве, но об апелляции к естественному праву. Про тот Нюрнберг это хорошо известно, однако разве и «наш» прошел не по этому пути? Конечно, в устах Н.С. Хрущева обвинение Сталина в «нарушении социалистической законности» и ленинских норм жизни и было по существу доступным для него и его соратников обращением к «естественному праву». Их естественному праву, к неким туманно-гуманным (надуманным) высшим ценностям. Это можно оспорить и брезгливо отбросить. Но я бы не стал. Типологическая схожесть, с моей точки зрения, безусловна. И многое объясняет в нашей истории и месте в ней XX съезда.

Далее. В чем сегодняшняя особенность сталинизма и Сталина-мифа? До смерти тирана сталинизм был всем и был, так сказать, естественным состоянием общества. В 1956 г. его объявили неким нарушением абсолютно правильного порядка. То есть сузили, сократили до «нарушения соцзаконности». Тем самым маргинализировали некоторые его черты и отделили от хорошего, правильного. Так или иначе произошло – до определенной степени, конечно, – противопоставление сталинских ошибок/преступлений и «успешного строительства социализма». И во временном отношении ограничили сталинизм: рубеж 20–30-х до начала 50-х. Причем вой-

на 1941–1945 гг. по сути вычиталась. В этот период «плохое сталинское» хоть и было, но играло значительно меньшую роль.

Во времена Леонида Ильича сталинизм и Сталина почти реабилитировали, но все-таки отделяли от прекрасного настоящего. Во всяком случае полностью не впускали сталинское в современность. В 90-е оно пережило худшее: дискредитировалось, разоблачалось, отвергалось.

Но с началом века, отчасти мы уже говорили об этом, дело пошло на поправку. Более того, сложилась качественно новая ситуация (это – важнейшее). Власть и значительная часть общества, признав преступления, включили Сталина и сталинизм в великую русскую историю и современность. Вернули их. Причем сделано это было весьма искусно. – Вот очередной телесериал, в нем обязательно Сталин и его подручные, никто не скрывает их жестокости и, может, даже злодейства, но и не «замалчивает» их незаменимую историческую роль. «Шекспировская» картинка. Исторические хроники. Да, лилась кровь (а где и когда не лилась?!), да, были незаконно репрессированные (а где и когда их не было?!), да... и т.д. Но – мы построили, мы победили, мы первыми в мире...

Думаю, таких прочных позиций у Сталина и сталинизма не было **никогда**. Даже в период их, казалось бы, абсолютно-го владычества. Тогда, пусть и скрывая (даже от себя), очень многие страдали от боли, страха, неопределенности. Тогда

сияющий мир, запечатленный советским кинематографом, в одночасье мог смениться каким-нибудь Дубровлагом. Ну а повседневный ужас коммуналки, барака, голодной деревни, изнурительного труда, безденежья, совершенной социальной и правовой незащищенности (это не по книжкам – автобиографическое) был сутью человеческой жизни.

Теперь же ничего этого нет. Нет даже саднящей памяти об этом. Носители боли в основном вымерли. Остался кинематограф. В разных смыслах этого слова...

Как судить Сталина за конкретные преступления? Да, «мы» их признали, осуждаем, сочувствуем. Но ведь Сталин этим не исчерпывается. Это наша победа, наша мощь, наша гордость. В конечном счете жизнь и судьба. Как же от этого отказываться?!

Россия сотворила свой исторический компромисс: она согласилась с тем, что в Сталине и сталинизме имелись позорно-преступные черты, и включила это зло в свое понимание добра, нормы, истории. Она сегодня не отдаст Сталина, поскольку без него народ неполный (**так** сегодня понимает себя народ). Произошла, как говорила по другому поводу Ханна Арендт, банализация зла. В смысле: ну, с кем не бывает, а в целом замечательная жизнь и люди.

Предполагаю: как социальная затея трибунал провалится. Никаких правовых последствий не будет. Но, убежден, будет приобретен новый и бесценный опыт разоблачения зла. Будет сделан – какой-никакой – шаг в десталинизации сознания.

ния граждан России. Будет заявлено громкое «нет» фактической сталинизации власти и социума. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин средней и высшей школы (из тех, кто действительно любит свою родину) получают дополнительную аргументацию и информацию, необходимые для антисталинских прививок молодежи.

И главное, что мы должны осознать: борьба со Сталиным и сталинизмом это противостояние свертыванию свободы в нашей стране. Это противостояние тому, чтобы вновь не стала актуальной горькая истина середины XX в.: вологодский конвой шуток не понимает.

Что тревожит. Конспирология

Давно замечено: в неустойчивые времена в обществе (любом) активизируются всякого рода «окультурные» настроения. Парарелигиозные, квазирелигиозные, «магические» и т.д. Научная картина мира подвергается интенсивным атакам со стороны пересмотрщиков исторической хронологии, открывателей «биополя», теоретиков какой-то иной физики. Разумеется, – это отчасти отражение и выражение той самой неустойчивости, фрустрации, кризиса идентичности, отчасти – реакция, нередко агрессивная и разрушающая, на некоторую неподвижность, «застойность», пресность господствующих убеждений, концепций, классической (традиционной) науки в целом.

Еще, безусловно, здесь присутствует характерное для человека вообще «искушение» заглянуть за горизонт, прикоснуться к «последней» тайне, самолично воскресить умерших etc. То есть при всей фальши и неадекватности этого исторического мусора (увы, загрязняющего атмосферу, а ведь и так дышать нечем) его наличие, всплеск энергии, агрессивность – вполне объяснимы. Это не значит, что социально-психологически и даже политически они не опасны. Что им можно и не противостоять. Мол, само по себе уляжется, успокоится. Нет, конечно, это не так. И задача вменяемого ученого бороться с ними.

Но в такие неустойчивые эпохи общества сталкиваются и с гораздо более опасными и коварными вызовами. С попытками взорвать культурный фундамент социального развития человечества. К ним не в последнюю очередь относятся различные конспирологические «теории» (скорее, «практики»; ничего по-настоящему теоретического там нет; но оставим, как принято, «теории»). В последние годы они переживают в нашей стране подъем. И представляют несомненную опасность для нормального функционирования российского социума.

Итак, в чем ложь конспирологии? – В недоверии к человеку и **его** истории (существованию, бытию, тому, что происходит). В отказе ему в статусе субъекта исторического **развития** (чуть ниже мы объясним, почему эти слова выделены). Полагается – не **он** определяет содержание социальной

жизни, но – **нечто** иное. А именно – «клубы, ложи, комиссии, орденские и неорденские структуры». Они контролируют современный мир, являются, так сказать, его директорами. Тайными и тeneвыми, а потому зловещими и коварными. Мы лишь игрушки в их руках; в лучшем случае – незнательная обслуга...

Всё: здесь заканчивается **любая** историософия и начинается следственное дело. «Виновный (е)» известен изначально; более того, «виновность» является его онтологическим статусом. Однако это не отменяет дознавательных действий. Они приходят на смену былым идеологиям и способам понимания истории. Конспирологи в своем лице (лицах) соединяют роли работников культа, партсекретарей (первых и по идеологии), судей, прокуроров. В интенции и исполнителей приговоров. Таким образом, конспирология есть не только отказ от попыток исторического понимания, но и **закрытие** самой истории. Ее больше нет, поскольку найден Ответ и выписаны ордера на арест.

Но конспирология не только анти- и внеисторична, она и надысторична. Это апелляция к дьяволу, имплементация врага рода человеческого в наличное бытие. Говоря научно: игра краплеными картами. Вообще мне представляется, что дьявол (черт) – изобретение ума **незрелого**. Ведь «черт попутал» – уже отчуждение зла, тебе имманентного, отказ от ответственности. Да, да, я имею в виду идею первородного греха, на которой построена христианская цивилизация

(Россия – ее часть). Преодоление греха, избывание греха, следование за Христом – вот цель жизни. Значит, человек есть не наличность (во всех смыслах), но – **задача**. Бог хочет от нас развития, Он не конец истории, а ее *раскрытие* (в духе Баха и др.). Конспирология же – яд, которым хотят уничтожить наше упование на все это.

К тому же эта «веселая наука» (как назвал ее один современный российский исследователь мировой закулисы) есть реализация принципа недоверия к человеку, презумпция его виновности (отчасти мы уже касались этого, но усилим в ином контексте). Не тебе должны доказать твою виновность, а ты – что невиновен. Докажи, что не «отвечаешь» за произошедшее. Ну! – Не можешь? Вот «ты» и есть в «ответе». Не смог же «оправдаться». Выражаясь не очень изысканно: конспирология – это такой своеобразный историософско-социологический Вышинский. Это – сталинские процессы, развернутые против истории, развития, открытости etc. И одновременно «дорожная карта» для сегодняшних идеологов и мастеров заплечных дел.

Кто-то же должен ответить в условиях безответственности?!

Мне кажется, я объяснил использование выделенных слов.

Мы не пойдем другим путем(или Гимн декадансу и закатам Европы)

Марксисты с подачи их отцов-основателей любят рассуж-

дать о бонапартизме. Что это личная диктатура, опирающаяся на некий баланс различных социальных сил. Для меня эта формула всегда была загадочной. И я представлял себе его так. Некто, под названием «главный», постоянно прыгает с одной вершины на другую. И как-то так образуется политический баланс. Безусловно, это инфантильно и примитивно (то, как мне это представлялось).

А если всерьез, то бонапартизм для меня – это слова самого Бонапарта, сказанные им, кажется, генералу Ожеро (вполне могу ошибиться): Вы выше меня на голову, но я могу ликвидировать эту разницу. В этом суть бонапартизма. Гражданский кодекс (когда-то я писал, что это вторая по своему значению после Библии книга для европейского человечества) и есть юридическое (которое пришло на смену сакральному) закрепление господства «середины», равенства, сведение всех к одному росту. Как ни странно, всегда к росту властителя. Это тенденция к усреднению и понижению.

Каждый раз, когда западная часть человечества (поздние Афины, поздний Рим, Ренессанс, Просвещение, предвоенная (до 1914 г.) Европа) подходит к чему-то принципиально новому, более сложному, а значит, и опасному, начинается охранительная реакция. В Афинах – в виде варваров и римлян, в Риме – варваров, в эпоху Ренессанса – протестантизма и контрреформации, в начале XX в. – самоубийственной мировой войны и деспотии некультурного человека. Да, мы забыли Просвещение. Его могильщиком стал генерал Бо-

унопарте. Но каждый раз социально и витально разгромленный авангард успевал передать эстафету следующим за ним (во временном смысле) потенциальным декадентам.

Здесь важное для нас уточнение. Сторонники модного ныне цивилизационного подхода к истории вслед за Данилевским, Леонтьевым, Шпенглером, Тойнби полагают, что все культурно-исторические типы проходят три этапа, последний из которых – разложение. Или, как говорил Тойнби, *desintegration*, а наш Леонтьев – «вторичное смесительное упрощение». При всем уважении к этим замечательным умам возражу. Именно эта стадия и есть самое интересное, что случается с народами. Правда, будучи несведущ в неевропейских культурах, ограничу свое полагание Западом и Россией.

Каждый раз перед своим «закатом» Европа (и Россия) создавали непревзойденные произведения культуры, мысли, быта, эстетики и пр. Слава Богу, это не исчезало вместе с их материальными носителями. Каким прорывом в будущее виделась современникам и потомкам Французская революция! Какие возможности, казалось всем (или почти всем), открывала она перед человеком. А на самом деле несла новое рабство – рабство юридически эгалитарного мира: всех – под один рост. Но не прошло. И не могло пройти. «Марсельеза» не отменила Моцарта. Великие европейские музыка, литература, живопись XIX в. смели тенденцию к упрощению и вновь поставили на повестку дня сложность.

Так бывает. Гёте и Стендаль написали нового сложного европейца. И, как всегда, в последние столетия «предательскую» роль по отношению к тенденции снижения сыграла наука. Эти нередко малокультурные люди, сами того не ведая, постоянно работали на поддержание сложности восприятия мира. Они все время что-то открывали в природе. Говоря языком постмодернизма, постоянно ей что-то приписывали. Более того, навязывали. Электромагнитные волны, радио, телеграф, телефон. А до этого – паровой двигатель. Как когда-то часы. В интенции это означало: мы не дадим вам забыться в спокойствии, мы вам навяжем иной тип бытия. То есть каждый раз новое поколение европейцев как будто бы говорило себе: мы пойдем иным – своим путем...

А что же у нас, в России? Если для европейцев каждый раз свой путь иной – а потому и свой, то у нас нет. Так что же у нас? Когда-то я писал о двух постоянных составляющих русского исторического развития – общине (земстве) и орде. Началось все с противостояния монгольской Орды и земско-княжеской Руси. Это противостояние никогда не было изжито. Но, во-первых, дополнилось их симфонией. (При этом, подчеркнем, противостояние никуда не ушло.) А во-вторых, менялись формы их существования и борьбы. Что, кстати, крайне важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.